

Виноваты звезды

Лорен Миракл
Как быть плохой

«АСТ»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Миракл Л.

Как быть плохой / Л. Миракл — «АСТ», 2008 — (Виноваты звезды)

Джесси, Вик и Мэл. У каждой из них есть особая причина, чтобы сбежать из родного городка. Потрепанный путеводитель «Удивительная Флорида», ключи от старого «Доджа», и немного денег – этого вполне достаточно, чтобы отправиться в путешествие, во время которого сердца будут разбиты, дружба пройдет суровую проверку, а встреча с загадочным незнакомцем изменит все дорожные карты.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

© Миракл Л., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

20 августа, пятница	6
Глава 1. Джесси	6
Глава 2. Викс	16
Глава 3. Мэл	22
Глава 4. Джесси	29
Глава 5. Мэл	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лорен Миракл, Сара Млиновски, Эмили Локхарт Как быть плохой

Copyright © E.Lockhart, Sarah Mlynowski, Lauren Myracle, 2008

© В. Степанов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Посвящаем эту книгу нашим друзьям. Будьте добрыми, будьте
смелыми и ешьте больше манго.*

20 августа, пятница

Глава 1. Джесси

В конце июля, когда у меня все еще шло хорошо, в магазине «ужастиков» я купила в подарок Викс фальшивые волосы для подмышек – то есть, просто две наклейки наподобие пластыря, с волосами. Викс была от них без ума – носила целый день, то и дело повторяя, что она самая крутая девушка во всей Флориде. Даже на свидание со своим парнем, Брэди Маккэйном, она в тот вечер пошла в майке с открытыми подмышками и с этими фальшивыми волосами. Наутро она рассказывала, что Брэди чуть не упал, когда увидел ее в таком виде. Впрочем, я думаю, насчет этого она все-таки привирает – Брэди смотрит на Викс как на богиню и способен восхищаться ею, что бы она на себя ни нацепила. Готова поспорить – он точно так же восхитился бы, вставь она эти фальшивые волосы себе в ноздри. Да что там – этот парень не перестал бы считать Викс самой красивой, даже если бы у нее из ноздрей вдруг вырос целый лес настоящих, а не фальшивых волос.

Я думаю об этом, паркуя машину на стоянке возле ресторана под названием «Вафельный Дом», где мы с Викс работаем. Да, было время, еще совсем недавно – мы с Викс ни дня не жили без шуток, все время «прикалывались» друг над другом. Жизнь была веселой и беспечной, и мне тогда казалось, что мы с Викс останемся друзьями навек.

В какой-то степени, правда, именно я виновата в нашей размолвке... С того дня, как у мамы обнаружили эту чертову опухоль, хожу сама не своя, хотя прошло уже семнадцать дней.

Впрочем, и Викс в последнее время пребывает не в лучшем настроении – в основном из-за того, что две недели назад ее ненаглядный Брэди уехал из города. Хотя могла бы задуматься хоть немного и понять, что по сравнению с моими проблемами ее собственные просто смешны. Ну, уехал ее парень в Майами – не на другой же конец света, в конце концов!

Я очень хочу помириться с Викс. Именно сейчас мне ее так не хватает...

Я выключаю мотор зеленого мамино «Опеля» и собираюсь пойти в ресторан, хотя сегодня пятница – мой выходной. По идее, мне бы сейчас лежать на диване и тупо смотреть по телевизору сентиментальную передачу о том, как какой-нибудь ребенок почти умер при родах, но в самый последний момент врачи его спасли, и теперь все счастливы, и со слезами на глазах славят бога... Посмотрите, какие очаровательные ручки и ножки у этого малыша, какие пальчики! Жизнь прекрасна. Иначе просто быть не может...

Для кого-то жизнь, может быть, и прекрасна. Вот только мне в последнее время благодарить судьбу особо не за что.

«Ума не приложу, где я вдруг могла подцепить эту бяку?» – сказала мама, когда получила официальное заключение от онколога. Мама пыталась смеяться, но ее выдавали глаза – два бездонных омуты, полные тоски и ужаса.

Должно быть, я чертовски плохая дочь, потому что ответила ей тогда: «Не иначе, как от своего любовничка!».

Это случилось как раз на следующий день после того, как мама принимала участие в конкурсе мокрых футболок. Представьте себе: мама – моя мама! – участвовала в конкурсе мокрых футболок, и дружки ее любовника, такие же, как и он, шоферы, поливали ее грудь ледяной водой из шлангов! А сам он наверняка стоял и гордился, и подмигивал своим дружкам, похлопывая их по плечу: «Смотрите, это моя женщина! Не правда ли, классная?».

Р. Д. Биггс – так зовут мамино любовника – водитель машины-холодильника, возит на ней напитки для одного придорожного кафе. Наверняка он думает, что такие мероприятия,

как этот дурацкий конкурс мокрых футболок, поднимают престиж его трапезной кафешки. Считает, наверное, что это очень круто. По мне, так ничего крутого в этом нет.

Мама уверяет, что она якобы уже знала наперед, что скажет ей этот пижон-онколог, и что в конкурсе мокрых футболок согласилась участвовать, чтобы поднять себе настроение. Круто, не правда ли?

Ничего крутого. Я думаю, мамино участие в этом идиотском конкурсе означает только то, что ее драгоценный любовник и его дружки-шоферня просто извращенцы, а у самой мамы нет ни стыда ни совести.

Господи, как бы мне хотелось стереть из памяти все события последних дней – особенно то, что мама узнала от доктора. И то, что вчера Р.Д. вдруг подарил мне двадцать долларов – бог весть с чего, может, затем, чтобы показать, что он заботится и обо мне – дочери своей любовницы.

Поначалу Р.Д. мне нравился – по крайней мере, больше, чем некоторые другие мамины дружки. Мне нравился его заразительный смех. Нравилось, что каждую неделю я, мама и Р.Д. посвящали один вечер игре «Угадай слово по картинке». Но теперь этот придурок, сказать по правде, мне уже осточертел. Торчит целыми днями в «Вафельном Доме», глядит, как я бегаю, подаю клиентам яйца, тосты, драники, овсянку – и, конечно, вафли. Мы с Викс про себя называем этот ресторан «Вафло-фуфло» – хотя на самом деле вафли здесь вполне вкусные.

– Послушай, Джесси, – сказал он как-то раз после того, как закончил трапезу – а тарелку Р.Д. обычно вылизывает дочиста. Он наклонился ко мне, и его глаза выражали вполне отеческую заботу – но было в них еще кое-что, чего я предпочла бы не видеть. – Ты наверняка знаешь, что твоя мама сейчас испытывает не лучшие времена...

Я придвинулась к нему ближе и заговорила шепотом, потому что не хотела, чтобы нас кто-нибудь слышал.

– И вы пришли сюда, чтобы сказать, что моя мама переживает трудные времена... после того, что вы заставили ее сделать?

– Джесси, что это за разговор? – Он положил на стол свои жирные после еды пальцы. – Тебе до сих пор не дает покоя этот конкурс мокрых футболок? Я твою маму участвовать в нем не заставлял – она взрослый человек и сама делает, что хочет...

Я отошла от него, решив, что и разговаривать с этим типом не стоит. Но когда я вернулась домой, сказала маме, что не хочу больше видеть этого идиота в моем доме – а домом нам служит большой автоприцеп.

– В *твоем* доме? – переспросила она.

– Зачем ты ему сказала? – вместо ответа спросила я.

– Ты о чем? – попыталась она сделать вид, что не понимает.

«Все ты отлично понимаешь! – хотелось сказать мне. – Теперь этот придурок готов растрепать всему свету, что у тебя рак...»

– По-моему, это вполне естественно, – вздохнула она, – искать поддержки у друзей, когда у тебя какие-то проблемы...

– Вот как? По-моему, он друг? Хорош друг – заставил тебя сверкать сиськами перед целой толпой своих вонючих дружков!

– Я... Он... – замялась она. – Послушай, Джесси, может быть, он действительно не тот друг, которого ты бы выбрала для меня, если бы выбирала сама. Но все равно он мой друг – даже больше, чем друг. По-моему, иметь друзей все-таки лучше, чем не иметь!

– Да ты готова дружить с кем угодно только ради того, чтобы иметь друзей! – проворчала я себе под нос.

– Что? – переспросила она.

Ничего не сказав в ответ, я вышла из затрапезной кухни нашего дома-прицепа в не менее затрапезную жилую комнату, где постоянно пахнет псиной. Мама последовала за мной и взяла меня за руку.

– Ты думаешь, что если будешь разговаривать со мной в таком тоне, это мне поможет? – спросила она. – Джесси, ты считаешь, что твоя мать...

– Шлюха? – закончила я.

У мамы перехватило дыхание.

– Джесси, – проговорила, наконец, она, – на этом конкурсе мокрых футболок никто из дружков Р.Д. не сказал обо мне ни одного плохого слова. Он сам был там, и при нем они бы не посмели – он сразу осадил бы любого, осмелся хоть кто-то что-то пикнуть. Если уж он на моей стороне, то почему ты вдруг против меня? Ради бога, Джесси...

– Не поминай имя Господне всуе! – фыркнула в ответ я.

Мама уставилась на меня, словно не могла поверить, что родная дочь может так люто ненавидеть ее.

– Послушай, Джесси, – снова заговорила она, – что случилось, того уже не исправишь. Все, что нам остается теперь – это надеяться на лучшее.

– И молиться, – добавила я.

Мама рассмеялась, хотя смех ее был явно вымученным.

– Джесси, я буду тебе благодарна, если ты будешь молиться за меня, – проговорила она. – Но я была бы еще более благодарна тебе, живи ты своей жизнью, не вмешиваясь в мою.

– Мама!

– В последнее время ты стала просто святошей, Джесси. Послушать тебя, так вокруг одни сплошные грешники, одна ты у нас без пяти минут святая...

Я отвернулась, но мама взяла меня за плечи и повернула к себе.

– Я говорю серьезно, Джесси! – Она слегка понизила голос. – По мне, уж лучше бы ты жила самой обычной, реальной жизнью, как все, не боясь испачкать свои белоснежные ангельские крылышки. Жизнью надо наслаждаться, Джесси – потому что никто из нас не знает, сколько ему еще осталось жить...

«Хорошо, мама, – сказала я про себя – не тогда, а потом, когда боль после этого разговора не то что прошла, а притупилась и сделалась привычной. – Если ты хочешь, чтобы я жила самой обычной жизнью, то пусть будет так».

Я сижу в машине на стоянке перед рестораном, и утреннее солнце греет мою кожу через лобовое стекло. В окне ресторанной кухни я замечаю Вика, которая сейчас наверняка потеет над каким-нибудь заказом очередного клиента. На сковородке у нее, должно быть, шипит и урчит яичница-глазунья или драник.

Викс – единственная девушка-повар в нашем ресторане, остальные повара – мужчины. К тому же, она единственная из всех поваров, кому нет двадцати лет. Ей семнадцать, как и мне, но я – всего лишь официантка. Официантом, в конце концов, может быть любой.

В окне ресторана я также замечаю нашу новую девушку, Мэл. Мэл работает здесь официанткой всего пару месяцев, и, стало быть, ранг у нее пока что ниже, чем у всех – но она ведет себя так, словно едва ли не самая главная здесь. Не то чтобы Мэл нам откровенно грубит, но вечно смотрит своими голубыми глазами с таким видом, словно хочет сказать, что все мы здесь – деревенщина, и лишь она одна крутая. И меня наверняка тоже считает деревенщиной, потому что я, видите ли, не ношу джинсы за четыреста долларов, в отличие от нее.

Подумайте только – штаны аж за четыреста баксов! Я их сразу на ней заметила. Наша форма здесь, в ресторане, состоит из черных брюк и белой полосатой блузки. Блузки нам выдают, и галстуки-бабочки к ним в придачу (по мне, так эти галстуки просто ужасны!), а

брюки мы носим свои собственные. Большая часть наших ребят и девчонок не заморачиваются, носят какие-нибудь самые простенькие джинсы фирмы «Кмарт» или «Мервинс» – все равно они очень быстро становятся замусоленными, как, впрочем, и блузки.

Мои рабочие джинсы, сказать по правде, сидят на мне отвратительно. В талии жмут, а карманы вечно оттопыриваются, отчего я выгляжу толще, чем есть на самом деле. Честно говоря, больше всего люблю ходить в шортах, сделанных из стареньких джинсов, обрезанных по самое некуда, и в каком-нибудь топе на бретельках – такая одежда, по крайней мере, меня не толстит.

Ми-Мо – это моя бабушка – говорит, что я ей больше нравлюсь в той одежде, в какой обычно ходят в церковь. Но юбки до пят и туфельки на «шпильках» – не мой стиль. Я не считаю, что если буду одеваться по моде позапрошлого века, стану ближе к богу, чем в футболке и в шортах.

Так вот, на прошлой неделе Мэл явилась на работу в новехоньких черных джинсах, которые сидели на ней как влитые. Я сказала, что она выглядит потрясающе – не столько потому, что действительно так думала, сколько, если честно, желая к ней подольститься. Мэл уже достала меня своими подкалываниями, и я подумала: сделаю этой задаваке комплимент – может быть, и станет ко мне лучше относиться.

– Спасибо, – ответила Мэл. Судя по ее виду, она удивилась, что я вообще разговариваю с ней.

– Где ты их отхватила? – спросила я. – Я уже все магазины в нашем городе оббегала – нигде не могу найти приличных штанов...

– М-м-м, – промычала она, закусив уголком рта прядь волос, явно не желая делиться со мной секретом, где достала обновку.

– А что за фирма? – спросила я.

Мэл изогнулась назад, пытаясь рассмотреть этикетку на заднем кармане своих штанов.

– Кажется, «Хло»... – прочитала она.

«Хло? – подумала я. – Что это еще за фирма такая?»

В тот же день я съездила в библиотеку и посмотрела в Интернете, что это за джинсы фирмы «Хло». Ни в одном магазине в Найсвилле они не продавались, но, как я выяснила, в интернет-магазине «Бергдорф Гудман» можно было заказать их «всего» за 390 долларов плюс плата за доставку. Вот почему Мэл не хотела признаваться, где она достала такие крутые штаны!

На следующий день я спросила у Мэл, почему она вообще здесь работает. Вообще-то я не собиралась ее об этом спрашивать – сама не знаю, как с языка сорвалось... Вики, присутствовавшая при этом, кинула на меня красноречивый взгляд, словно желая сказать: «Ну ты даешь, Джесси!».

Но я чувствовала, что рано или поздно все равно задала бы Мэл этот вопрос. Мы все отлично знаем, что Мэл приезжает на работу в роскошном «Мерседесе» своего папаши, и в ее сережках явно настоящие бриллианты – блестят не чета моему цирконию... К тому же однажды я слышала, как Эйб, наш менеджер, расспрашивал Мэл об Африке – оказалось, она недавно ездила туда на сафари. Когда Эйб начал этот разговор, Мэл почему-то занервничала, засмушалась – но все-таки призналась, что, да, своими глазами видела львов, зебр и жирафов на воле, а не в зоопарке.

«Везет же некоторым...» – подумала я. Лично я в Африке никогда не была – и в обозримом будущем вряд ли побываю. Впрочем, в каком-то смысле можно сказать, что у нас дома целый зоопарк. Наш фургон вечно полон бездомных собак, которых мама подбирает на улице.

Итак, я задала-таки Мэл вопрос, который мучил меня с той минуты, когда я ее впервые увидела: почему она пошла работать в наш «Вафельный Дом»?

– М-м-м... – пробормотала она в ответ, – как сказать... Должно быть, потому, что никто из моих знакомых никогда не узнает, что я работаю здесь. Никто из них не бывает в этом ресторане.

Не знаю, хотела ли она подчеркнуть крутизну своих знакомых, которые не ходят по таким затрапезным забегаловкам, но для меня ее ответ прозвучал именно так.

Я вылезаю из маминого «Опеля» и захлопываю его старую, скрипучую дверь. Мама наверняка взбесится, когда узнает, что я взяла ее машину без спроса.

Разглаживаю руками свои немного помявшиеся шорты, одергиваю топ и приглаживаю волосы пятерней, чтобы хоть чуть-чуть привести их в порядок. Мэл, может быть, и крутая, но одно преимущество по сравнению с ней у меня есть – мои густые, шелковистые светлые волосы явно красивее ее шевелюры. Не то чтобы я собиралась соперничать с Мэл – но, как говорится, пустячок, а приятно...

Впрочем, волосы у Мэл, пожалуй, неплохие, но она вечно затягивает их в «хвостик». Носила бы распущенными – так было бы гораздо красивее. Крутая, крутая, а подать себя как следует не умеет. Да и накраситься хоть немного ей тоже не мешает. Мордашка у нее довольно-таки симпатичная – но с косметикой смотрелась бы еще эффектнее. А что до ее фигуры... фигурка хороша, ничего не скажешь. Мэл хоть и маленького роста, но подтянутая, спортивная – должно быть, много лет занималась каким-нибудь теннисом... Вот только почему-то все время сутулится. Сказал бы ей, что ли, кто-нибудь хоть раз: «Не горбись, распрями плечи!».

Однако если сравнить Мэл, например, с Викс, то Викс гораздо красивее – хотя она сама, может быть, не осознает этого. Викс носит стильную стрижку – волосы торчат во все стороны, но нельзя не признать, что это ей чертовски идет. Причем, следует заметить, Викс стрижет себя сама. К тому же, волосы она красит в цвет, черный, как непроглядная ночь, оставляя лишь несколько светлых прядей в челке. Точнее, сначала она просто красилась в черный – идея добавить пару-тройку светлых прядей пришла к ней позднее. Прическа Викс эффектно оттеняет ее темные глаза. К тому же, в отличие от Мэл, Викс не боится краситься.

Я вхожу в ресторан, и колокольчик над дверью издает звон, как и всякий раз, когда входит посетитель. Густой запах пекущихся вафель сразу же ударяет мне в ноздри – даже слезы на глазах выступают.

– Привет, Джесси! – окликает меня Эйб, сидящий за кассой. – Что, даже в выходной дома не сидится – тянет в родной ресторан?

– Да вот, – смеюсь в ответ я, – соскучилась по твоим вечно подгорелым тостам!

– Вот как? Подгорелым? – Эйб выходит из-за кассы и в шутку замахивается на меня, словно собирается ударить. Я отстраняюсь от его руки.

– Привет! – говорю я Дотти, нашей официантке, которая пронесет мимо меня два заставленных полными тарелками подноса, – по одному на каждой руке, и при этом невероятным образом умудряется ничего с них не уронить. – Буэнос диас, амиго! – приветствую нашего повара по прозвищу Бифштекс, колдующего над огромной сковородой.

– Ты, должно быть, ищешь Викс? – спрашивает он.

– Ага.

– Да вот только что была здесь – и уже успела куда-то запропаститься... Ну и девчонка, сладу с ней нет!

– Устроила себе самовольный перерыв, – недовольно морщится Эйб. – Увидишь ее, Джесси – скажи, чтобы шла работать, нечего отлынивать.

Я иду к выходу на задний двор, но на полпути останавливаюсь, вспомнив, что собиралась кое о чем попросить Эйба.

– Послушай, Эйб, – говорю я, – а можно мне и на завтра взять выходной? И на воскресенье тоже?

– Три выходных подряд? – ухмыляется он. – Ты шутишь?

– Видишь ли, Эйб... Извини, но мне действительно нужен небольшой перерыв. – Я произношу эти слова с замирающим сердцем – а вдруг он скажет «нет»?

– Все в порядке, Эйб, – неожиданно приходит мне на выручку Дотти. – Я готова за нее поработать – нежданно-негаданно вдруг оказалось, что в эти выходные я ничем не буду занята. Я думала, мне придется сидеть с детьми – но Карл вдруг решил свозить их в Дисней-парк. Даже меня не спросил – а вдруг я сама хочу свозить их туда?

Дисней-парк! Всегда мечтала побывать если не в главном Диснейленде, который в Калифорнии, то хотя бы в нашем местном Дисней-парке. Но так ни разу и не была, хотя Дисней-парк не так уж далеко от нашего городка – в местечке под названием Эпкот. Но фотографии эпкотского парка я, конечно, видела. Там словно воссоздан целый мир в миниатюре – кусочек Франции, кусочек Германии, кусочек Китая и так далее. И все это в двух шагах друг от друга – за несколько часов можно обойти «весь мир». Во французском уголке есть даже Эйфелева башня – точь-в-точь как настоящая...

Усилием воли я заставляю себя прервать поток собственных фантазий. Эпкот, Эйфелева башня – это, конечно, хорошо, но сейчас моя цель – Майами. В эти выходные я должна быть в Майами.

– Спасибо, Дотти! – говорю я.

– Не за что, – кивает та, ставя тарелку со свиной отбивной на столик перед дамой в ярко-розовой футболке. – Я сама считаю, Джесси, что тебе не мешало бы немного отдохнуть – в последнее время ты выглядишь усталой... И Эйбу я об этом сто раз говорила – не так ли, Эйб?

Дотти уже успела разнести клиентам все, что было на подносах, руки у нее теперь свободны, и она вытирает их о передник, явно желая обнять меня. Но я не хочу обниматься – сейчас у меня не то настроение.

– Не надо, Дотти, – говорю я, пожалуй, резче, чем следовало бы. Дотти наверняка в курсе маминых проблем со здоровьем – и догадывается, что я предполагаю, что она, Дотти, об этом знает. Дотти с мамой часто ходят друг к другу в гости поиграть в лото, и мама, думаю, наверняка уже успела поделиться с нею этой плохой новостью. Но, кроме Дотти, никто больше в «Вафельном Доме» об этом не знает – ни Эйб, ни Бифштекс, ни даже Викс.

Моя мама не может понять, почему я не говорю об этом Викс. Впрочем, я и сама не могу объяснить, почему никак не могу ей об этом рассказать.

– Не беспокойтесь, Дотти, со мной все в порядке, – говорю я, отводя взгляд, так как не желаю лишний раз приковывать чье-то внимание к моим проблемам. – Но за помощь, конечно, спасибо. Надеюсь повидаться с вашими детьми после того, как вернусь.

Я нахожу Викс на стоянке для работников ресторана, расположенной на заднем дворе. Викс стоит, прислонившись к стене. В руке у нее сигарета. Рядом с ней Мэл. О господи, только этого не хватало! Меня тошнит от одного вида этой Мэл.

Увидев меня, Викс отлипает от стены.

– Джесси! Каким ветром? У тебя ведь, кажется, сегодня выходной! – Улыбка Викс кажется вполне искренней, словно между нами и не было никакого разрыва.

– Привет, Джесси! – произносит Мэл. В ее голосе я улавливаю какой-то необычный акцент – кажется, северный... Раньше я его не замечала.

– Привет, – бросаю я в ответ и демонстративно отворачиваюсь от Мэл, всем своим видом давая понять, что разговариваю только с Викс. – Послушай, Викс, у меня есть идея...

Глаза Викс загораются:

– Серьезно? Какая?

– Потрясающая идея, – говорю я, будучи твердо уверена, что Викс обрадуется возможности повидаться со своим Брэди.

Брэди, поступивший в этом году в колледж в Майами, уехал туда чуть раньше начала учебного года, так как он, заядлый футболист, не хотел упускать возможность поучаствовать в тамошних студенческих матчах. Викс говорила, что там он играет в местной команде под названием «Ураган», и очень гордится этим. Но сейчас, должно быть, у него уже начались занятия.

Возможно, Майами – это и вправду круто, но, в конце концов, и нашему Найсвиллу тоже есть чем гордиться – хотя бы тем, что каждый год в октябре здесь проходит фестиваль музыки и рыбных блюд. Отцы города утверждают, что фестиваль знаменит на весь мир. Думаю, это все-таки преувеличение, но мероприятие неплохое, ничего не скажешь. Главный его хит – гордость местной кулинарии, блюдо из рыбы со смешным названием «барабулька». К тому же, на фестивале обычно проводят конкурс «Мисс Барабулька» для трех возрастных категорий – дошкольников, младших школьников и старшеклассников. Однажды я даже участвовала в нем, но, разумеется, не победила.

– Так в чем же состоит твоя гениальная идея? – выводит меня из раздумий Викс.

– Как поживает твой Брэди? – спрашиваю я в ответ.

Викс смотрит на меня так, словно своим вопросом я хочу перевести разговор на другую тему, хотя на самом деле вопрос имеет самое непосредственное отношение к моей «гениальной идее».

– Похоже, он сейчас очень занят, – отвечает она. – Занятия начинаются в шесть утра – представляешь? В полдень – небольшой перерыв, и снова занятия до самого вечера...

– Бедняга! – сочувственно произносит Мэл. – Представляешь, Джесси, за все это время Брэди послал Викс всего одну эсэмэску – хотя, надо признать, с очень романтичным текстом...

«Почему я этого не знаю? – хочется сказать мне. – Почему я узнаю об этом от Мэл? Почему, Викс, ты делишься этим в первую очередь не со мной, а с этой воображалой?»

Но вместо этой тирады я просто спрашиваю у Викс:

– Это правда?

– Сказать по правде, – отвечает она, – он написал мне всего лишь два слова: «Люблю! Скучаю!». Ну очень романтично...

Судя по виду Викс, она сейчас чувствует дискомфорт и вину от того, что своим секретом в первую очередь поделилась с девицей, с которой знакома без году неделя, а не со мной – своей лучшей подругой.

– Он прислал ей эту эсэмэску в два часа ночи, – продолжает Мэл. – Викс, разумеется, в это время спала...

– Да черт с ним, – фыркает Викс, – пусть хоть совсем не звонит и не пишет! Я не собираюсь за ним бегать, если какой-то дурацкий футбол ему, видите ли, дороже меня!

Однако, как ни пытается Викс храбриться, делая вид, что Брэди ее не волнует, дрожание сигареты в руке и нервный ритм, который выстукивает ее нога, выдают реальное настроение моей подруги.

– Но почему он вдруг перестал звонить тебе? – спрашиваю я. – Целый год дня не ходило, чтобы вы не встречались – и вдруг ни с того ни с сего...

– Спроси у него! – снова фыркает Викс.

Я в полном замешательстве. Все лето мы едва ли не каждый день ходили в кино вдвоем – Брэди, Викс и я. Брэди постоянно держал Викс за руку и часто целовал ее, не смущаясь тем, что я рядом.

– Похоже, ты не на шутку влюблен в Викс! – сказала я ему однажды. В ответ Брэди лишь рассмеялся.

– Нет уж, об этом ты сама у него спросишь, – говорю я Викс, потому что моя гениальная идея заключается в том, что мы прямо сейчас поедem в Майами, чтобы Викс наконец смогла

увидеть своего ненаглядного Брэди живьем. – Едем в Майами, и ты сама спросишь у этого придурка, почему он тебе не звонит и не пишет. Отсюда до Майами, по сути, всего-то шесть часов езды...

– Шесть? – морщится Викс. – Ты шутишь? При самой быстрой езде часов девять, если не больше...

– Хорошо, пусть девять. Ты хочешь увидеть своего Брэди или нет? Хотя бы для того, чтобы надавать ему пинков за то, что он тебе не звонит...

– Но как мы туда доберемся? На автобусе? Отличная идея, нечего сказать! После девяти часов тряски в автобусе я буду потная и помятая – и ты хочешь, чтобы я предстала в таком виде перед Брэди: «Привет, это я, твоя самая клевая девчонка в мире!»?

– Мы поедem на машине моей мамы, – отвечаю я. – Она разрешила мне взять ее на все выходные.

В ответ Викс лишь растерянно шмыгает носом. Я уже сама вся вспотела, пытаюсь уговорить ее, но сдаваться не собираюсь.

– Соглашайся, Викс! Только представь себе: ты и я, словно одни на целом свете, наедине с дорогой... Можем делать все, что только захотим, никто нам не помешает... Кстати, радио в машине я уже починила, так что поедem с музыкой.

– Кстати, девчонки, – как ни в чем не бывало встревает Мэл, словно мы с Викс разговариваем с ней, а не друг с другом, – не подскажете, как можно поймать какую-нибудь местную радиостанцию с нормальной музыкой? А то сколько я ни кручу приемник – все одна ковбойская музыка. Не то чтобы я не люблю стиль кантри, но хочется иногда чего-то иного для разнообразия... Приходится слушать плеер. Или, может быть, Джесси, в машине твоей мамы есть встроенный плеер?

Я перевожу взгляд на Мэл, уставившись на нее так, словно она существо с иной планеты.

– Вынуждена тебя разочаровать, Мэл, – произносит Викс, хорошо знающая машину моей мамы, – в «Опеле» обычно не бывает встроенного плеера.

– Ну, MP3-плеера, понятно, нет... Но CD-плеер хотя бы есть?

«Ты что, с Луны свалилась?» – хочется сказать мне.

– Увы, – притворно вздыхает Викс, – «Опели» обычно оборудованы по минимуму. Ни MP3-плеера, ни CD... И вдобавок у машины мамы Джесси сломаны «дворники».

– И вовсе они не сломаны! – протестую я. – Так, заедают немного... Но кому они здесь нужны, «дворники»? В конце концов, мы живем во Флориде, которую недаром называют «самый солнечный штат». Дождь здесь бывает раз в тысячу лет!

– «Самый солнечный штат»? – повторяет Мэл. – Мне это нравится! – Она шурится, словно от солнца (что, надо сказать, ей совершенно не идет), но через минуту снова распахивает свои голубые глазки и устремляет их взгляд на меня: – Как здорово, Джесси, что мама одолжила тебе машину на выходные!

«Тебе-то что за дело?» – хочется спросить мне, но вместо этого я обращаюсь к Викс:

– Ну как, едешь?

Викс молчит, глядя куда-то в пространство.

– Лично я – еду! – заявляет вдруг Мэл.

От наглости этой красотки у меня едва не отвисает челюсть. «Тебя кто-нибудь приглашал?» – хочу спросить я. И где она только набралась таких манер?

Я снова демонстративно поворачиваюсь к Мэл спиной.

– Поехали, Викс! – говорю я. – Неужели ты не хочешь немного развлечься перед началом нового учебного года? А по дороге мы можем заскочить... – Я едва не произношу «в Дисней-парк», но останавливаюсь. Не хочу, чтобы эта Мэл поняла, что я ни разу не была в

Дисней-парке. Сама она побывала аж в Африке, а я ни разу не выбралась даже в Дисней-парк в соседнем городке...

– А по дороге мы можем заскочить посмотреть на того аллигатора, про которого ты мне рассказывала... – придумываю на ходу я.

Докурив свою сигарету, Викс бросает окурок на землю и тушит его, наступив на него ногой.

– Ты про Старого Джо? – уточняет она.

– Да, заглянем по пути к старине Джо. В конце концов, мы ведь можем посетить все достопримечательности в округе! – добавляю я, надеясь, что этим уж я точно сумею уговорить Викс поехать. Викс просто бредит местными достопримечательностями. Ее любимая книга – путеводитель под названием «Удивительная Флорида». Если верить этой книге, наш штат просто кишит чудесами – в одном месте можно увидеть русалок (разумеется, ненастоящих), в другом – белок-альбиносов, в третьем – обезьян в париках и костюмах под Битлов.

Викс смотрит на свои часы.

– Пожалуй, мне пора возвращаться на рабочее место, – говорит она. – Перекур что-то слишком затянулся...

– Ну, а как насчет моей идеи, Викс?

– А кто будет работать вместо меня эти два дня?

– Я думаю, Бифштекс не откажется тебя подменить. Он всегда рад любой возможности заработать лишнюю копейку.

– Ну, а сколько у нас с тобой денег? У тебя, наверное, всего-то долларов пятнадцать...

– Тридцать, – поправляю я.

– Ну, а я уже успела просадить всю свою получку на пиво и сигареты... Осталось всего десять долларов.

– Всю получку – на пиво и сигареты? – удивляюсь я.

– Ну, еще купила по просьбе Брэди пластиковую корзину, чтобы ему было куда складывать белье для стирки, а то в его комнате в общежитии такой нет. А в основном все ушло на пиво и сигареты... Так что, увы, Джесси – мы никуда не едем. На сорок баксов особо не разгуляешься!

Я уже готова выть от того, что Викс так легко сдается.

– Ну, если очень экономить, то можно уложиться и в сорок долларов, – настаиваю я.

– Без паники, девчонки! – заявляет вдруг Мэл. – За все плачу я.

«Нет, этого не может быть! Я, должно быть, ослышалась! – думаю я, оборачиваясь к Мэл. – Она что, ненормальная?»

– За бензин, за еду, – как ни в чем не бывало продолжает она. – Могу даже за номер в гостинице...

Мы с Викс во все глаза смотрим на Мэл. Как говорится, «немая сцена»...

– А что? – пожав плечами, заявляет она. – Может быть, я тоже хочу посмотреть на Старого Джо!

«Только этой красотки нам не хватало! – думаю я. – Возьми мы ее с собой – она нам весь кайф обломает, это уж как пить дать... С чего это она так расщедрилась? Всегда смотрела на нас с Викс сверху вниз, а теперь вдруг...»

Но через минуту я решаю, что это дар божий – в тот момент, когда мы с Викс уже почти отказались от своей затеи из-за нехватки денег, нашелся вдруг человек, который платит за все... Грешно не воспользоваться таким подарком судьбы!

– Ну что ж, отлично! – говорю я, обращаясь к Мэл, хотя Викс это наверняка взбесит – Викс ведь привыкла считать, что это она, Викс, и никто другой, самая крутая во всем. – Итак, решено: едем в Майами!

На секунду в глазах Мэл вдруг мелькает тревога, словно она не ожидала, что я приму ее помощь. Или мне это только показалось?

Я поворачиваюсь к Викс.

– Ну, как, едем? – спрашиваю я с радостью, пожалуй, немного наиграной.

Глава 2. Виск

Джесси знает меня как облупленную – с этим не поспоришь, и знает, чем меня можно «купить». Я действительно давно мечтаю посмотреть на Старого Аллигатора Джо. Узнала о нем из книжки-путеводителя, которая называется «Удивительная Флорида». Когда мы с моим братом Пенном жили в одной комнате, часто читали эту книжку друг другу вслух – шепотом, чтобы родители не узнали, что мы еще не спим, хотя нам уже давно пора. Если верить этой книжке, Флорида просто полна чудес – тут есть, например, дом в виде апельсина или башня, которую некий чудаков по фамилии Перки построил специально для того, чтобы там жили летучие мыши, хотя в итоге они там никогда и не жили. Самый маленький полицейский участок в мире. Статуя Иисуса Христа высотой в двадцать два фута, построенная так, что полностью находится под водой. Дом, сделанный целиком из пастилы.

Согласно этой книжке, Старый Аллигатор Джо жил триста лет назад, грелся на солнышке на городской площади и даже купался в фонтане вместе с ребятами. За всю жизнь он не обидел и мухи – но нашелся какой-то придурок-охотник, который его пристрелил. С тех пор Старый Джо, набитый опилками, стоит в витрине музея. А музей этот – всего в паре часов езды от Найсвилла.

Но, пожалуй, главная достопримечательность нашего штата – Коралловый замок. Если верить легенде, этот замок много лет назад построил выходец из Латвии по имени Эд Лидскалнин после того, как его шестнадцатилетняя невеста – звали ее Агнес Скаффс – сбежала от него в первую же брачную ночь. После этого Лидскалнин потратил двадцать лет на то, чтобы построить коралловый замок в память о своей невесте. Он сам, своими руками таскал коралловые глыбы весом в тысячи фунтов, причем работал только по ночам. Как ему удалось в одиночку таскать такие огромные глыбы – одному богу известно.

И вот сейчас этот замок стоит как памятник неразделенной любви. По мне, так этот Эд Лидскалнин просто придурок. Если бы мой Брэди, не дай бог, бросил меня, я бы ни за что не стала строить в его честь какой-то коралловый замок.

Честно говоря, я уже начинаю бояться, что Брэди нашел себе другую – возле такого «великого футболиста», как он, вечно крутится целая куча девушек-болельщиц. Неужели Брэди и впрямь способен забыть, как мы с ним строили замок – правда, не из коралла, а из спичек, – чтобы отметить полгода с тех пор, как стали встречаться; или как у меня на кухне пытались делать чипсы в мамином тостере? Пока он не уехал в этот проклятый Майами, мы с ним дни и ночи проводили вместе – а если и разлучались ненадолго, то едва ли не каждую минуту засыпали друг друга эсэмэсками...

Как бы то ни было, если Брэди бросит меня, я не стану всю оставшуюся жизнь вздыхать о неразделенной любви и строить коралловый замок. Я заставлю Брэди вспомнить былое и вернуться ко мне. Я знаю, как это сделать. Уж я-то кое-что смыслю в мужской психологии – у меня все же, ни много ни мало, аж пятеро старших братьев.

Я заставлю его вспомнить тот день, когда он впервые обратил на меня внимание. Это было тогда, когда я в нашей школьной столовой умудрилась пролить уксус на свою порцию пиццы. Второй раз он обратил на меня внимание, когда я покрасила волосы в черный цвет. А сам он понял, что и я, в свою очередь, обратила на него внимание, в тот день, когда рылся в своем шкафу с одеждой, ища там что-то – а я подбежала, хлопнула дверцей шкафа так, что он едва успел отдернуть руку, и убежала, прежде чем он смог опомниться. А может быть, это было вовсе и не тогда – но, как бы то ни было, с некоторых пор я вдруг стала для него не просто младшей сестрой Пенна Симоноффа, а кем-то гораздо большим...

Я хорошо помню тот день, когда он пригласил меня на футбольный матч, в котором играл в качестве полузащитника за нашу школьную команду. Я вежливо отказалась.

– Ты не любишь смотреть футбол? – поморщился он.

– Люблю – но когда играют профессионалы. Вот если бы ты пригласил меня на какой-нибудь матч Кубка нации, я бы пошла не раздумывая. А смотреть, как играет какая-то школьная команда...

– Вот как? – вскинул он бровь, явно заигрывая со мной.

– Честно говоря, – призналась я, – мой брат Тулли одно время играл в нашей школьной команде. Сначала я ходила болеть за него, но его команда вечно проигрывала. Смотреть на такую скуку... Впрочем, это было еще до того, как тренером команды стал этот Рамирес или как его там... С ним они все-таки начали играть пристойнее. Но, может быть, сходим лучше в кино?

Брэди рассмеялся. Собственно, именно тогда я в первый раз обратила внимание, какая у него улыбка чуть не во все лицо и какой залихватистый смех. И что особенно приятно – причиной этой улыбки была я. Мне захотелось становиться причиной его улыбки каждый день, снова и снова...

– Ну что ж, – согласился он, – в кино так в кино!

Но прежде чем я успела решить, на какой фильм мы пойдем, он вдруг наклонился ко мне и поцеловал – в шею, но с таким видом, словно метил в щеку, но промахнулся. И снова рассмеялся – этот смех я сочла знаком того, что явно понравилась этому Брэди, а он понравился мне.

Точнее, мы не просто *понравились* друг другу. Это был знак чего-то гораздо большего. Настоящей любви.

Разумеется, я принимаю предложение Джесси поехать в Майами. И когда я приеду туда, я заставлю Брэди вспомнить то, что он умудрился забыть всего за пару недель. Уверена, что на самом деле он все-таки не забыл, не мог этого забыть.

Тем не менее, я не собираюсь расспрашивать его, почему все эти дни он не звонил мне. Я знаю, что любая попытка выяснить это однозначно поставит на наших отношениях большой жирный крест. Это я поняла из наблюдений за своими братьями. Ни Стив, ни Джо-младший, ни Тулли, ни Джей, ни Пенн никогда не были обделены вниманием со стороны прекрасного пола. В нашем доме всегда ошивались девчонки – сколько их было всего, ума ни приложу, давно уже сбилась со счета. Но стоило какой-нибудь подружке любого из моих братьев задать ему вопрос «Почему ты так давно не звонишь мне?» – будьте уверены, брат почти мгновенно охладевал к ней.

И в самом деле, какой иной реакции здесь можно ожидать? Если кому-нибудь из моих братьев звонила очередная подружка, а к телефону подходила я, то на ее вопрос: «Ты случайно не знаешь, почему Стив?» – или Джо, или Тулли... – «так давно мне не звонит?» я неизменно отвечала: «Не звонит – значит, не хочет тебе звонить, неужели не понятно?».

– Но ведь он обещал мне позвонить! – обиженно отвечала девица. – Передай ему, пожалуйста, что звонила Роззи и спрашивала, почему он не звонит.

– Я тебе уже все сказала, – говорила я. – Если ты до сих пор не поняла, то это твои проблемы.

Потом я писала брату записку большими буквами: «Твоя Роззи опять разыскивала тебя. Объясни, наконец, этой дурочке раз и навсегда, чтобы больше не звонила и не надоедала мне!» – и прикрепляла эту записку к холодильнику. После этого я могла быть уверена на сто процентов, что эта девица больше ни разу не покажется в нашем доме и не станет докучать мне своими дурацкими звонками. Неважно, чья это была подружка – Стива, Джо-младшего, Тулли, Джей или Пенна. В принципе, я могла бы даже и не писать этой записки – мой брат все равно очень скоро расстался бы с этой девицей. Нравится вам это или нет, но такова жизнь – мужчины не любят, когда женщины предъявляют к ним претензии, будь это претензии по поводу того, что он не звонит ей, или какие-нибудь еще. Мужчины любят, когда

женщины лишь восхищаются ими и поддакивают каждому их слову. А поскольку, как я уже сказала, ни у одного из моих братьев от девчонок никогда отбоя не было, расстаться с какой-нибудь занудой не представляло для них трагедии – какие проблемы, другую найдем... А эта Роззи, или как ее там, пусть делает что угодно: строит замок из коралловых глыб, повеяет свою грусть-тоску тайному девичьему дневнику, плачется по телефону какой-нибудь другой такой же Роззи о том, какие подлые твари все эти мужики, или забрасывает моего брата открытками в форме сердечек... Брат все равно не станет читать этих открыток. Вынет из почтового ящика и тут же о них забудет. Бросит где-нибудь на кухне, не заботясь о том, что любой может найти и прочитать их.

Мужчины не любят розовые девичьи сопли. Парням нравятся девчонки, которые сидят рядом с ними и смотрят футбол, а не щебечут о том, какую классную обновку они купили сегодня в магазине; а если парень приглашает их в ресторан, едят все, чем он ни угостит их, а не капризничают: «этого не люблю, того не хочу...».

Впрочем, что-то я слишком задумалась. Джесси ждет от меня ответа, поеду или нет я с ней в Майами, и, кажется, уже начинает нервничать – а глядя на нее, начинаю нервничать и я.

Я чувствую, что мои переживания из-за того, что Брэди не звонит мне, наверняка огорчают и Джесси – как вижу, что Джесси явно злится на меня за то, что этими переживаниями я поделилась в первую очередь не с ней, а с Мэл. Впрочем, я и сама не знаю, почему столько дней держала это в душе – и в конце концов поделилась не с лучшей подругой, а с какой-то задавакой, с которой знакома без году неделя.

Ребята из школьной футбольной команды и девчонки-болельщицы считают меня и Брэди просто идеальной парой. Для них мы, пожалуй, даже не существуем отдельно друг от друга – где Брэди, там и Викс, а где Викс, там и Брэди. На Хеллоуин Брэди нарядился Суперменом, а я подружкой Супермена – Лоис Лейн. Перед ребятами я часто появлялась в старенькой футболке, ранее принадлежавшей Брэди. Короче, мы говорим «Брэди» – подразумеваем «Викс», говорим «Викс» – подразумеваем «Брэди»...

Мне не хочется рассказывать всей этой футбольной тусовке, что Брэди перестал звонить мне. Мне не хочется, чтобы они меня жалели – потому что жалеть меня они будут скорее на словах, чем на самом деле, ибо, как я уже сказала, для этих людей я не существую отдельно от Брэди. Как ни дружна я с ними, Брэди для них – лучший футболист в нашей школьной команде, а я – всего лишь его девушка. А вот с Джесси и Мэл я могу этим поделиться. Для них я существую отдельно от Брэди.

Конечно же, в первую очередь мне следовало бы поделиться с Джесси, а не с Мэл. С Джесси мы давно близки – а с тех пор, как стали вместе работать в «Вафельном Доме», сдружились еще больше. К тому же, Джесси, хотя она и довольно-таки компанейская девчонка, в эту футбольную тусовку не входит, и для нее я в первую очередь ее лучшая подруга, а не подружка лучшего в школе футболиста. Для Джесси я – подруга, которая способна терпеливо ждать, пока она целый час выбирает себе губную помаду в магазине, или сидеть рядом на диване и безропотно смотреть вместе с ней зануднейшие христианские передачи по телевизору, которые Джесси почему-то обожает, хотя меня, признаться, от них тошнит. Или, опять же, я для нее – подружка, которая не станет ругать ее за то, что из пакетика со смесью разных орешков она выбирает только свои любимые – кешью. Джесси также ценит меня за умение придумывать остроумные, по ее мнению, вопросы типа «Ваше любимое слово?» или «Ваш самый нелюбимый звук?», которые она записывает на цветных бумажках и развешивает повсюду в комнатах для персонала в «Вафельном Доме». Джесси считает, что подобный юмор помогает людям расслабиться. Или за то, что, заскочив во время перерыва в ближайший магазин, я никогда не забываю купить ее любимое мороженое с жареным миндалем. Но, пожалуй, больше всего Джесси любит меня за то, что я готова терпеть ее чокнутую мамашу, помешанную на собаках. Когда мы с Джесси и с ее мамой ходим в ресторан,

я, умело делая вид, что мне безумно интересно, задаю этой дамочке вопросы типа: «Миссис Фикс, а что сейчас с этим несчастным питбулем, о котором вы рассказывали в прошлый раз?». И миссис Фикс начинает подробный рассказ на целый час, а то и на два, а я сижу и внимательно слушаю.

В отличие от Джесси, Мэл нельзя назвать моей настоящей подругой. Просто Мэл случайно оказалась рядом в тот момент, когда я вдруг почувствовала, что не могу больше держать переживания по поводу Брэди в себе, и мне просто необходимо хоть с кем-то ими поделиться. В тот момент я вышла покурить, а Мэл крутилась рядом. Хотя, конечно же, лучше было бы в первую очередь поделиться с Джесси. Именно к Джесси я обращаюсь, когда, например, хочу поплакаться кому-нибудь в жилетку после ссоры с родителями, или когда я переживаю, хорошо ли напишу контрольную.

У Джесси, правда, есть свои странности... Например, она просто помешана на религии. Помню, месяцев пять тому назад я попросила ее сходить со мной к врачу, который посоветовал бы мне, что делать, чтобы не забеременеть, – из чего Джесси, разумеется, догадалась, что мы с Брэди занимаемся – или, по крайней мере, собираемся заниматься сексом. Джесси вдруг ужасно завелась и разродилась целой лекцией о том, что секс до свадьбы – это плохо и что доктора, дающие девушкам подобные советы, по сути, поощряют грех. Едва ли не целый час говорила об этом без умолку – но внезапно замолчала, решив, видимо, что наговорила лишнего. Словно секс – такая грешная вещь, что даже разговаривать о нем грешно.

Я думаю, причина всех этих ее «заморочек» насчет секса в том, что мама Джесси никогда не была замужем. Но любовников, надо полагать, имела, ибо как же она тогда умудрилась родить саму Джесси? Или, может быть, причина в том, что отец Джесси – я даже не знаю, как его звали – бросил ее мать, когда Джесси была еще в пеленках...

Брэди меня никогда не бросит, даже если я забеременею от него – в этом я уверена. Впрочем, я и не забеременею – все-таки хожу на консультации в этот Центр планирования беременности и кое-чему уже научилась... Стоят эти консультации недорого – почему бы не ходить?

Джесси, разумеется, догадывается, что я уже не девственница – но предпочитает не заводить об этом разговор. Я чувствую это и стараюсь не затрагивать эту тему.

Правда, недавно – еще до того, как Брэди уехал в Майами, – Джесси вдруг сама ни с того ни с сего выдала мне новую лекцию о том, что секс до свадьбы – это грех. В последнее время Джесси почему-то стала совсем уж религиозной. Отличная девчонка – но, сказать по правде, иногда она бывает такой занудой...

Впрочем, в данный момент главное для меня – не это. В данный момент Джесси ждет от меня ответа, поеду ли я с ней в Майами. Она явно сердится, что своими переживаниями я поделилась с Мэл, а не с ней, но старается не подавать вида – стоит и с беспечным видом поигрывает ключами от машины. Однако глаза ее выдают.

Я очень хочу увидеть Брэди. И я хочу оставаться подругой Джесси. Я должна быть благодарна ей – в конце концов, ради того, чтобы я могла увидеть Брэди, Джесси даже готова взять с нами в поездку Мэл, хотя чувствую, что эта Мэл не очень ей по душе.

Джесси явно ждет от меня ответа «Да, я еду», – и я не могу обидеть ее.

– А-а, чем черт не шутит!.. – отвечаю, наконец, я. – Поехали!

Джесси хочет, чтобы мы поехали сразу же после того, как кончится наша с Мэл смена, – но мне все-таки хотелось бы заскочить домой, принять душ и переодеться. Не хочу предстать перед Брэди в замасленной рабочей одежде, пропитанной запахом яичницы и сосисок. В конце концов мы договариваемся, что Джесси заедет за мной в полчетвертого, а затем мы заедем за Мэл. Мэл пишет свой адрес на салфетке (выясняется, что живет она в соседнем

городке Форт-Уолтон) и просит меня дать ей номер мобильного – очевидно, чтобы связаться со мной, если Джесси вдруг в последний момент передумает и решит не брать Мэл с нами.

Я возвращаюсь на свое рабочее место, с нетерпением ожидая конца смены. Никогда еще рабочий день не казался мне таким бесконечным! Но вот, наконец, смена закончена. Я сажусь на свой велосипед, еду домой и не обнаруживаю там никого – лишь записку на столе. В записке говорится, что мама и папа поехали в магазин, купить кое-какие детские вещи для еще не родившегося ребенка Стива.

Уверена, что мои «предки» вряд ли поднимут бучу из-за того, что я уехала в Майами, если только я возьму с собой мобильник, и они будут знать, где я. Даже если им не очень понравится, что я вдруг взяла и укатила в другой город только ради свидания с Брэди, особо ругать меня они не будут. Когда у вас аж шестеро детей, вряд ли у вас хватит энергии на то, чтобы слишком бурно реагировать на выходки каждого из них.

Мои мама и папа – электрики. У них своя фирма, она так и называется «Симонф-Электрикс», хотя управлял фирмой все эти годы в основном папа – у мамы, родившей шесть детей подряд, на бизнес оставалось не так уж много времени. Самый старший мой брат, Стив, пошел по родительским стопам – тоже стал электриком, и теперь у него своя собственная фирма в Броварде. Джо-младший служит во флоте, Тулли учится в колледже в Таллахасси, столице нашего штата. У Джея сейчас каникулы, но живет он не у нас, а у своей девчонки. А Пенн, которого из всех моих братьев я люблю больше всего, окончил школу – он учился в одном классе с Брэди – и теперь снимает вместе с друзьями довольно паршивую комнату в одном городке неподалеку от нас. С сентября он начнет там ходить в кулинарный колледж, а пока проходит практику в местном ресторане, который, надо признать, гораздо круче «Вафельного Дома». Так что сейчас наш довольно-таки большой дом почти пуст – только родители и я.

Сказать по правде, без братьев мне скучно. В июне я сама окончу школу, и, возможно, тоже переселюсь куда-нибудь – но до июня надо еще дожить.

Пока собираю вещи, которые возьму с собой, я решаю позвонить Пенну.

– Привет, это я, – говорю я, когда он отвечает на мой звонок.

– Викс!

– Послушай, Пенн, – без предисловий начинаю я, – я так больше не могу... Наш дом пуст, словно заброшенный, я помираю со скуки... Я еду в Майами повидаться с Брэди. Я его уже сто лет не видела!

– Сто лет? – удивляется Пенн. – Мне казалось, он только что уехал...

– Ничего себе «только что»! Прошло целых две недели!

– Две недели – и ты уже без него прожить не можешь?

– Заткнись, – говорю я.

Пенн знает, что я не люблю, когда он смеется над моей привязанностью к Брэди.

– И как ты собираешься доехать до Майами? – спрашивает он, чтобы переменить тему.

– Я еду с Джесси. Она взяла машину у мамы.

– Джесси – это та, что приходила к нам в гости в День независимости, четвертого июля?

– Да, та самая, что дает тебе бесплатный стакан кока-колы всякий раз, когда ты приходишь в «Вафельный Дом».

– Ну, да, конечно. Я помню ее, – немного рассеянно говорит он.

– Ты-то чем сейчас занимаешься? – спрашиваю я.

– Да вот, только что закончил рабочую смену и заскочил в магазин. Сейчас я в магазине.

– Я тоже только что с работы, – говорю я. – Даже еще не успела помыться и переодеться, вся грязная и потная...

– Я тоже. Видела бы ты, во что превратилась моя футболка!

– Даже и представлять себе не хочу! – смеюсь я.

– В принципе, ничего страшного, постираю – отойдет... Кстати, я сейчас как раз в отделе стиральных порошков. Какой, по-твоему, лучше взять – «Тайд» или «Олл»?

– А у какого коробка красивее?

– Мне не нужна красивая коробка. Мне нужен хороший порошок.

– Ну, желаю тебе не ошибиться с выбором порошка.

– Да я, собственно, уже выбрал.

– И какой же ты выбрал?

– А вот не скажу! Сама догадайся.

– Делать мне нечего, как отгадывать, какой ты выбрал порошок! Когда ты приедешь? – спрашиваю я.

– Скорее всего, в следующие выходные.

– А раньше не можешь? Приезжай в понедельник к обеду!

– Я приеду, а ты еще будешь в Майами со своим Брэди?

– Нет. В понедельник мне на работу. Так когда ты приедешь?

– Я же сказал – в следующие выходные. Извини, Викс, раньше просто никак не смогу – дела...

– Приезжай, Пенн! Без тебя так скучно!

– Викс, извини, я не могу разговаривать. Я сейчас как раз на кассе...

– Хорошо. Но не забывай свою сестренку. Без тебя я просто умру от скуки! Кому ты будешь читать свои вечные нотации, если я умру?

– Извини, Викс, я действительно не могу сейчас разговаривать. – И Пенн выключает мобильник.

Неужели Пенн действительно считает, что две недели – это слишком мало, чтобы я успела соскучиться по Брэди? Мне так эти две недели показались вечностью!

Я заглядываю в шкаф на кухне, где мы храним продукты, – тот набит до отказа. Несмотря на то, что никто из моих братьев сейчас не живет дома, родители по-прежнему продолжают покупать столько еды, что хватило бы на шестерых. К тому же, мои «предки» просто помешаны на картошке – едва ли не любое блюдо, что готовит мама, обязательно содержит картошку. Тем не менее, среди этого картофельного царства мне удастся найти несколько пирожных и шоколадных батончиков.

Я открываю холодильник. Салат с картошкой, остатки недоеденной жареной картошки и блюдо собственного изобретения моей мамы, которое она называет «картофель по-королевски» – по ее утверждению, божественно вкусно, по мне же – просто отравка... О, манго! Обожаю манго больше всего на свете! Разумеется, я возьму их с собой в дорогу.

С улицы уже раздается сигнал машины Джесси. Я пишу записку для родителей, из которой они поймут, куда я делась, – и выбегаю из дома.

Глава 3. Мэл

– Ник! – пытаюсь я перекричать шум фена. – Да когда же ты выйдешь, наконец?

Молчание. Да, одна ванная на двоих – это, конечно, очень комфортно...

– Ник, ты меня слышишь? – Я стучу в дверь.

– Подожди, – слышится в ответ, – я еще не высушила волосы!

– Ник, мне срочно нужно в ванную! Ты что, не можешь сушить волосы у себя в комнате?

– Я не просто сушу, а укладываю! Мне нужно зеркало! Ты можешь пойти в ванную Блейка.

– Там сейчас убирается Розита.

– Ну, тогда в мамину...

– А там сейчас мама принимает душ. Выходи, Никки! Сколько можно?!

– Ты можешь подождать еще пару минут? Я уже почти закончила!

Что-то мягкое вдруг щелкает меня по носу. Я выглядываю в окно и вижу Блейка в его альпинистском облачении – наикрутейших кроссовках, спортивных шортах и футболке, – карабкающегося по стене. Эту стену для занятий альпинизмом Блейк с папой построили недавно. Смотрю на пол и вижу то, что щелкнуло меня по носу – не что иное, как резиновый страховочный трос, который лопнул и оторвался от ноги Блейка.

– Эй, – кричит мне Блейк, – ты не можешь подстраховать меня?

– Извини, скалолаз, – отвечаю я, – не могу. Мне срочно нужно бежать.

– Куда это ты собралась? – спрашивает он.

– Я еду в Майами.

– С кем?

– С двумя подружками с моей работы, – небрежным тоном отвечаю я.

– Серьезно?

– Представь себе! – смеюсь я.

Судя по всему, Блейк не на шутку удивлен, что у меня вдруг отыскались какие-то подружки, и его можно понять – с тех пор, как в январе мы переехали во Флориду, мне почти никто не звонил. Даже этот Кори Перкинс так и не перезвонил мне. Что ж, я и не жду от него звонка. Не звонит – и черт с ним...

Тара, правда, звонила еще пару раз, приглашала в гости – но оба раза я отказалась, сославшись на то, что дома у меня якобы куча дел. Достаточно с меня и той вечеринки у подружки этой Тары, где все смотрели на меня, словно недоумевая, с чего вдруг кому-то вздумалось пригласить новую девчонку. Я чувствовала себя так некомфортно, что весь вечер сидела в уголке, попивая вино – решила, что это поможет мне расслабиться. И в результате расслабилась так, что полезла целоваться с этим Перкинсом, не отдавая сама себе отчета, что я делаю. Нет, он, конечно, ничего – симпатичный, мускулистый, но ведь я его почти не знаю... И вот результат – после этого едва ли не вся школа еще долго жужжала на тему – вы слышали? – как эта новая девчонка на вечеринке наклюкалась вдрызг и полезла целоваться к незнакомому парню. Можно подумать, я с ним переспала!

Признаться честно, я пока еще ни с кем не спала. Не то чтобы я берегу себя до свадьбы – просто как-то до сих пор не случалось... В принципе, когда мы жили в Монреале, я могла переспать с Алексом Бондерманом, если бы судьба не сложилась иначе. На протяжении пяти лет он часто жил у нас в доме – мои родители брали его к себе, когда его «предки» уезжали куда-нибудь в Париж или Гонконг – и все эти пять лет я была тайно влюблена в него. Но впервые мы с ним поцеловались только на пятый год. Как сейчас помню – была среда, полчаса до полуночи, мы сидели в моей комнате, готовились к экзамену по математике

и поглощали конфеты – и вдруг Алекс меня поцеловал. Его поцелуй пах арахисом. После того вечера мы уже стали целоваться вволю всякий раз, когда нам удавалось уединиться, – в школе на лестнице, по пути из школы, у меня дома... Так продолжалось недели три, после чего Алекс вдруг перестал приходить ко мне домой.

Разумеется, мне хотелось выяснить, в чем дело, и я решила внезапно прийти к нему домой. Пришла – и обнаружила в его комнате Лори Герлач, которую я до тех пор считала своей лучшей подругой. Ее бежевый бюстгальтер валялся под колесиками кресла, в котором Алекс обычно сидел за компьютером. Потом Лори сама рассказывала мне, что ей понравилось, хотя в первый раз и было больно...

Это было за неделю до того, как Лори исполнилось шестнадцать. На день рождения к ней я все-таки пошла, сама не зная зачем – хотя, конечно, лучше бы не ходила. Смотреть, как Лори танцует с Алексом медленный танец, было выше моих сил.

Впрочем, я сама виновата – могла бы сразу догадаться, что Алекс никогда не был настоящим влюбленным в меня. Я не его тип. Его тип – девушки с пышными волосами и пышными формами. Такие, как Лори...

Да и Лори, как стало потом понятно, я считала лучшей подругой лишь по глупости. На чем, собственно, была основана наша дружба? Всего лишь на том, что однажды – мы учились в седьмом классе – мы с Лори вдруг обнаружили, что у нас одинаковые дубленки! Лори тогда подбежала ко мне, воскликнув: «Мэл, да мы с тобой, оказывается, близнецы!» – и с той минуты мы стали подругами – не разлей вода.

После того дня рождения я перестала разговаривать и с Лори, и с Алексом.

Сейчас я почти не общаюсь ни с кем из своих бывших друзей в Монреале. Переписываемся иногда по Интернету, но редко – в последнее время все почему-то стали ужасно заняты...

Викс, я думаю, уже давно не девственница. Такие девчонки, как Викс, вряд ли будут встречаться с парнем целый год и за все это время даже не попытаются переспать с ним. А вот Джесси, скорее всего, еще девственница. Судя по тому, что на шее у нее вечно болтается золотой крестик, Джесси явно из тех, кто считает, что секс без брака – смертельный грех. Викс не такая. Судя по ее раскованным манерам, для Викс переспать с парнем – раз плюнуть... Что будут при этом говорить люди, Викс, похоже, ни капли не волнует. Сказать по правде, мне даже кажется, что на самом деле Викс не так уж сильно переживает по поводу того, что ее Брэди вот уже вторую неделю не звонит и не пишет ей. Если бы мой парень не звонил мне целых две недели, я бы наверняка вся изревелась в подушку.

– Подстрахуй меня, Мэл! – снова просит Блейк. – Это займет у тебя всего минут пять.

– Извини, Блейк, серьезно – не могу, – отвечаю я. – Через пять минут уже нужно бежать.

Мои подружки уже заждались, наверное...

«Подружки»? Я не могу сдерживать улыбки. *Почти подружки*... Ну ладно, Викс еще можно считать подружкой – она все-таки поделилась со мной переживаниями по поводу своего парня. А вот Джесси, судя по всему, меня явно недолюбливает. Но, тем не менее, все-таки пригласила поехать с ними.

Пригласила? Никто меня не приглашал, я сама напросилась. Если бы я не пообещала, что за все заплачу, они бы, наверно, меня и не взяли.

Выходит, я пытаюсь купить себе друзей? Не ожидала от себя такого...

– Эй, Никки! – Блейк барабанит в дверь. – Может быть, хоть ты меня подстрахуешь?

– С какой стати? – раздается голос Ник.

Никки ненавидит эту стену для лазания. Как и мама – та ужасно боится, что в один «прекрасный» момент Блейк сорвется и разобьет себе голову. Но папа – спортсмен-любитель, которому все нипочем, и Блейк явно пошел в него. Пару лет назад папа и Блейк даже записались в секцию аквалангистов на Антильских островах. Когда папа решил построить

эту альпинистскую стену, мама и Никки были категорически против, но я встала на сторону папы и Блейка, что дало им перевес в один голос, и стена все-таки была построена. Сама я по этой стене лазить не собираюсь, но если Блейку так хочется, то почему бы и нет?

Решения в нашей семье, как правило, принимаются по голосованию, будь то вопрос о том, что будет сегодня на ужин – лосось на гриле или пицца, куда поехать летом – в Мексику или в Гонолулу, или какую машину купить – «БМВ» или кабриолет с откидывающимся верхом. Блейк хотел «БМВ», Никки бредила кабриолетом – мне же, если честно, было все равно. Но поскольку «предки» хотели-таки знать мое мнение, я закрыла глаза... и представила себя летящей на большой скорости по пустынному шоссе, а вокруг никого – только бесконечные пески до самого горизонта и ветер. Я «проголосовала» за «БМВ» – и мой голос оказался решающим.

Мой голос часто оказывается решающим в нашей семье. Но доктор Каплан была не права, когда упрекнула меня в том, что я якобы всегда пытаюсь навязать свою волю другим. Доктор Каплан – это психолог, к которой обратились мои родители по поводу того, что их детям, то есть нам, теперь предстоит учиться в новой школе. Я попыталась объяснить этой Каплан, что на самом деле все обстоит как раз наоборот – да, мой голос часто оказывается решающим в наших семейных спорах, но лишь в том смысле, что если я присоединюсь к выбору, сделанному Никки, то это склонит родителей к исполнению желания Никки, а если встану на сторону Блейка, то, соответственно, заставлю и родителей склониться на его сторону. Но если мне вдруг вздумается высказать свое собственное желание, отличное и от желания брата, и от желания сестры, то мой одинокий голос останется гласом вопиющего в пустыне. Но доктор Каплан так этого и не поняла. Она решила, что поскольку я – средний ребенок в семье, от этого якобы испытываю комплекс неполноценности, словно я, как говорится – «ни рыба ни мясо»... Впрочем, может быть, до некоторой степени это действительно так. Никки – красавица, Блейк – непослушный мальчишка, а я... просто еще один ребенок своих родителей. Но тут разговор зашел на другую тему: Никки стала рассказывать этой даме-психологу, как она скучает по Канаде, как Флорида ей не по душе – и все внимание сразу же переключилось на Никки. Никки уверена, что она – пуп земли, и внимание всех должно быть приковано лишь к ее распрекрасной персоне...

Я посмотрела на Блейка – он закатил глаза, словно хотел сказать: «Во заливает!». Я еле сдержалась, чтобы не расхохотаться, и взглядом сигнализировала Блейку, чтобы и он сдержался. Если бы мы с Блейком рассмеялись, Никки убила бы нас обоих – она всегда приходит в бешенство, когда над нею смеются. К счастью, Блейк понял меня и сделал серьезное лицо.

Блейк, пожалуй, единственный, кто действительно понимает, почему я пошла работать в «Вафельный Дом». Ни Никки, ни мама так до сих пор и не могут понять, почему я вдруг устроилась официанткой в какую-то забегаловку, а не к папе на фирму, где могла бы сама выбирать, в котором часу появляться на работе и когда уходить, как это делает Никки. Никки, пользуясь тем, что папа ей, конечно же, все простит, предпочитает появляться на работе как можно реже – вот и сейчас она сушит свои волосы дома посреди рабочего дня. Но если бы я работала на фирме у папы, все бы, разумеется, знали, что я дочка начальника, и лебезили передо мной, а сами за моей спиной называли бы меня взбалмошной пресыщенной девицей... Нет уж, спасибо! Уж лучше работать официанткой в «Вафельном Доме». Да, вытирать грязь со столов означает портить маникюр – но, в конце концов, перед кем мне там красоваться? Перед клиентами? Да те меня почти не замечают – станут они разглядывать какую-то официантку, которая подает им еду! Именно это я и пыталась сказать Джесси, когда она вдруг спросила, почему я работаю здесь, – но, кажется, она меня неправильно поняла.

Надеюсь, Эйбу все-таки попадет на глаза моя записка о том, что в выходные я не выйду на работу, что я извиняюсь перед ним за это, а также за то, что извещаю его об этом всего лишь коротенькой запиской.

Сама до сих пор не верю, что у меня хватило наглости попроситься в компанию к Джесси и Вика! Но когда Джесси предложила Вика поехать в Майами, мне вдруг жутко захотелось присоединиться к ним. Вика такая боевая, словно ей все нипочем, да и Джесси, кажется, вполне уверенная в себе девчонка... К тому же, обе они так не похожи ни на кого из тех, кого мне приходилось встречать раньше – ни в Монреале, ни в школе, в которой я сейчас учусь. Мне кажется, что Вика и Джесси, такие разные на вид, действительно настоящие подруги. Не могу себе представить, чтобы Вика, например, придя однажды к своему Брэди, обнаружила, что Джесси забыла у него свой лифчик. Не потому, что Джесси, будучи девушкой строгих нравов, никогда и не забыла бы там свой лифчик, – а потому, что Джесси никогда бы не поступила так со своей лучшей подругой.

Я хочу, чтобы у меня была такая подруга, как Вика или Джесси. Я хочу стать подругой для них обеих. Вот почему я решила поехать с ними, а вовсе не потому, что мне вдруг захотелось посмотреть на какого-то аллигатора.

На аллигатора я, если честно, и смотреть не хочу. С меня хватило того, как в июне мы ездили на сафари в Африку, я сидела в открытом джипе и видела своими глазами, как четыре гепарда рвали на части газель. Папа и Блейк считают это самым ярким впечатлением от всей поездки. Как по мне, так ехать четыре часа по саванне, чтобы посмотреть на подобное – весьма сомнительное удовольствие.

Я пробовала как-то рассказать об этом Вика – просто решила рассказать ей что-нибудь интересное, а ничего другого в тот момент не приходило в голову. Вика лишь поморщилась и сказала: «Какой ужас!».

И она права. Оторванные ноги антилопы, кишки, валяющиеся на земле, все вокруг залито кровью... Я не смогла тогда на это смотреть – закрыла глаза руками.

Меня до сих пор тошнит, когда я об этом вспоминаю. А на прошлой неделе я снова видела все это – во сне. Только в этом сне газелью была я сама...

Никки наконец открывает дверь.

– Ну как? – спрашивает она, стоя в проходе, и встряхивает волосами, демонстрируя свою укладку.

– Отлично, Никки, отлично! – торопливо говорю я. – Но, может быть, все-таки пустишь меня в ванную?

– Смотри, какие прямые! – словно не слыша меня, продолжает хвастаться она. – Нет, этот гель действительно творит чудеса! Ты обязательно должна его попробовать!

– Попробую, Никки, попробую как-нибудь... Ты пустишь меня в ванную или нет?

– Иди, только ненадолго. – Никки все же пропускает меня. – Я еще глаза не накрасила...

Приняв душ, я вылезаю из джакузи и заворачиваюсь в полотенце – махровое, теплое от жары, стоящей в ванной, свежее, приятно пахнущее лимоном – очевидно, Розита постирала его в порошок с таким ароматом. Вернувшись из ванной в свою комнату, я обнаруживаю, что Никки роется в моем шкафу.

– Ты не возражаешь, если я возьму твое новое платье? – заявляет она.

– Разве мама не купила тебе такое же? – спрашиваю я.

– Такое же, да не такое. На твоём рисунок симпатичнее. Эти полоски меня толстят...

– Да не толстят они тебя!

Я вообще не могу представить себе одежду, в которой Никки выглядела бы толще, чем она есть на самом деле. Моя сестренка обладает просто идеальной фигурой – сама стройная, а грудь большая. Парням такие обычно нравятся. Если верить Никки, однажды парни из ее класса даже подрались из-за нее. В отличие от меня, Никки сразу же стала популярна в новой школе. Теперь ни одна вечеринка не обходится без нее.

Однако, несмотря на то, что она никогда не была склонна к полноте, Никки панически боится растолстеть, вечно сидит на диете – как и мама. Сейчас они обе увлеклись диетой под

названием «южная», которая, как утверждают они, нынче в моде. И теперь из-за их фантазий вся семья вместо картошки вынуждена есть пюре из цветной капусты и делать вид, что это безумно вкусно.

Никки вынимает мое платье из шкафа и смотрит на ярлык.

– Второй размер... Ну и дистрофичка же ты, Мэл!

Я молча злюсь, хотя, казалось бы, пора уже привыкнуть, что каким боком ни повернусь, для Никки он все равно будет не тот. Сама выглядит как победительница конкурса «Мисс Освенцим», и ей все мерещится, что она толстая, а я, значит, дистрофичка? А если я вдруг пойду с папой и Блейком в «Макдональдс» и наемся там каких-нибудь бигмаков вместо цветной капусты, Никки наверняка станет орать: «Как ты можешь есть такую еду? Да от нее ты станешь как бочка!».

– Никки, – говорю я, – извини, я должна бежать. Меня ждут подруги.

– Подруги? – удивляется она. – У тебя есть подруги? – Но в этот момент мобильник Никки начинает звонить, и она бросается к нему.

У самой Никки нет отбоя от друзей и подруг – и со старыми приятелями из Монреала она продолжает поддерживать отношения, и здесь обзавелась кучей новых, и даже с ребятами, с которыми будет учиться в колледже после окончания школы, уже успела подружиться...

Я открываю ящик комода, ищу, что же надеть. Наконец останавливаю свой выбор на черных шортах и мягкой белой футболке – должно быть, мама купила мне эту футболку недавно, так как раньше я не видела ее. Достаю из шкафа ярко-красную дорожную сумку и начинаю не слишком аккуратно класть туда то, что возьму с собой – джинсы, еще одни шорты, несколько футболок на смену... Кладу и кроссовки, хотя не уверена, пригодятся ли они мне.

За окном уже слышится сигнал машины. Я гляжу в окно и вижу старый как мир «Опель», притормозивший рядом с нашим «БМВ». Но, надо полагать, при всей своей потрепанности этот драндулет еще вполне на ходу, ибо приехали же как-то на нем девчонки... За рулем – Джесси.

– Сейчас, еще пару минут! – кричу я, открыв окно.

Я достаю из шкафа два полотенца, одно – банное, одно – пляжное, заскакиваю в ванную, чтобы побросать в сумку зубную щетку, шампунь, кондиционер и гель для тела. Пробегая мимо маминой комнаты, из которой слышится музыка, я стучу в дверь:

– Мам, я убегаю!

– Куда это ты? – слышится из-за двери голос мамы, пытающейся перекрыть музыку.

– Я еду в Майами, – заявляю я, – с подружками.

– С подружками? Из этого, как его, вафельного магазина?

– «Вафельного Дома», мама, сколько раз повторять – «Дома», а не магазина!

– И когда ты вернешься?

– В воскресенье вечером.

– Кто ведет машину?

– Джесси.

– Она хорошо водит?

– Вроде бы да.

– Деньги взяла?

– Сто долларов, если не ошибаюсь... нет, сто пятьдесят. Надеюсь, хватит.

– Возьми еще мою кредитную карточку. Ну, желаю тебе счастливо отдохнуть!

Блейку или Никки мама никогда не доверила бы свою кредитную карточку – она боится, что Блейк купит моторную лодку, о которой давно мечтает, а Никки – какой-нибудь бриллиантовый браслет или еще что-нибудь в этом роде. Но мне мама вполне доверяет.

– Спасибо! – кричу я. На минуту у меня вдруг мелькает мысль: «А может быть, в самом деле возьму да и куплю себе моторную лодку или бриллиантовый браслет?». Но мне нужно вспомнить, не забыла ли я взять с собой что-то в дорогу. Возьму-ка я, пожалуй, свой плеер... и подушку – неизвестно еще, где придется спать. Я возвращаюсь в свою комнату, кладу в сумку плеер и пытаюсь запихать еще и подушку, но она уже туда не лезет, и я беру ее под мышку.

– Блейк, Розита, Никки! Я убегаю! – кричу я.

Блейк и Розита кричат в ответ «До свидания!». От Никки я же не слышу ответа.

Я стучусь в комнату сестры:

– Никки, я...

– Подожди, – слышится в ответ, – я разговариваю по телефону.

– Никки!

– Ты что, не слышишь?! Говорю тебе – я разговариваю по телефону!

– Никки, я убегаю!

– Подожди... Ты берешь машину? Машина нужна мне!

«Вот что заставило ее наконец оторваться от телефона!» – усмехаясь про себя, думаю я.

Вообще-то родители купили нам с Никки эту машину на двоих, но я ею практически не пользуюсь – Никки почему-то возомнила, что если я оставлю машину на стоянке перед «Вафельным Домом», ее непременно украдут. Поэтому на работу меня отвозит папа на своей, а домой подбрасывает кто-нибудь с работы, кому по пути. Сегодня же я просто взяла такси. Честно говоря, несмотря на то, что несколько месяцев назад я получила права, водить машину до сих пор побаиваюсь. Стоит сесть в водительское кресло, как меня тут же начинает трясти.

– Успокойся, машину не беру, – отвечаю я и сбегая по ступенькам. Спустившись вниз, на ходу сую ноги в сандалии, вскидываю сумку на плечо – и выбегаю на крыльцо, оставляя свою семью в этом доме, уже успевшем обледенеть от постоянно включенных кондиционеров.

Сбегая по ступенькам крыльца, я машу девчонкам рукой. Вместо того чтобы помахать в ответ, они почему-то смотрят на меня как на существо с другой планеты. Левая рука Джесси высунута из окна «Опеля», и она выстукивает какую-то мелодию по двери машины своими накладными ногтями, на которых изображены маленькие серебряные ангелочки. Никки почему-то считает, что накладные ногти – это ужасно. Может быть, я чего-то не понимаю, но лично мне нравятся накладные ногти.

– Ну наконец-то! – произносит Джесси.

– Извините, девчонки, что заставила вас ждать, – говорю я.

После прохлады в доме жаркий уличный воздух окутывает меня, словно я нахожусь в ванне с горячей водой. Я подхожу к машине сзади, чтобы положить свою сумку в багажник, но крышка багажника почему-то не хочет открываться.

– Не можете? – спрашиваю я.

– Ну вот, опять! – ворчит Джесси. – Я с таким трудом его закрыла...

Я уже готова пожалеть, что навязалась поехать с ними. Джесси явно не в восторге от моей компании.

– Спокойно, Мэл, – произносит Викс, – не дергай так сильно, а то заклинит. – Судя по всему, Викс уже давно изучила машину Джесси вдоль и поперек. – Подожди, лучше я сама...

Викс выходит из машины, подходит к багажнику и склоняется над ним. Даже так она гораздо выше меня. На девушку с подобным ростом в любой толпе непременно обратят внимание...

– Крутая тачка! – произносит она, оборачиваясь на стоящий рядом «БМВ». – Твоего папы?

– Моей сестры, – отвечаю я. – Впрочем, иногда и я на нем езжу. А иногда даже мой брат, хотя у него пока еще нет прав – ему пятнадцать.

– Везет же твоей сестре... – Викс открывает багажник, кладет туда сумку и захлопывает его.

– Спасибо, – отвечаю я и подхожу к задней двери машины Джесси. Но, как и багажник, дверь упорно не хочет открываться. Викки открывает ее для меня, и я проскальзываю на заднее сиденье.

Джесси заводит машину на задний ход.

– Мэл, – Викс указывает на крыльцо, – кажется, твоя сестра хочет тебе что-то сказать...

Никки действительно стоит на крыльце, наблюдая за всей сценой с недоумением – наверняка она, услышав сигналящую машину, решила, что это кто-то приехал за ней. Хотя я уже села в машину, Никки жестом подзывает меня.

«Сначала не хотела разговаривать со мной, а теперь, когда я уезжаю...» – усмехаясь про себя, думаю я.

– Поехали! – машу я рукой, делая вид, что не замечаю Никки.

Глава 4. Джесси

– Ну наконец-то! – вздыхаю я и жму на газ. Окна машины открыты, свежий ветерок обдувает мое лицо, и на душе у меня становится веселее.

– Вау! Тру-ля-ля! – кричу я, не заботясь о том, что Мэл, возможно, подумает «Ну и дурочка!».

Судя по тому, какой дом у этой Мэл, какая машина, денег у нее больше, чем у всех остальных моих знакомых, вместе взятых. Но мне вовсе не хотелось бы поменяться с ней местами. Как сказано в Библии, «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное». Кстати, о верблюдах: ее сестра действительно напомнила мне верблюда – стояла на крыльце с таким видом, словно готова была плюнуть нам вслед.

Не в силах сдержаться, я громко смеюсь.

– Что такое? – удивляется Викс.

– Да так, ничего... – отмахиваюсь я.

Я так и не понимаю до сих пор, почему Мэл вдруг увязалась с нами. Честно говоря, я до последней минуты надеялась, что она все-таки передумает. К ее чести следует отметить, что она без лишних слов села на заднее сиденье – что ж, там ей и место. Рядом со мной – Викс, как и должно быть. Ну, а Мэл... что ж, попробую относиться к ней как к жужжащей над ухом мухе – немного беспокоит, конечно, но не более того. Если будет уж слишком сильно надоедать – прихлопну, чтобы знала свое место.

– Ну что, Викс? – говорю я. – Признайся, здорово я все-таки придумала, что вытащила тебя в эту поездку? А то бы ты совсем закисло...

Викс не отвечает – она возится с радиоприемником, пытаюсь хоть что-то поймать. Признаться, я соврала, что мне удалось починить радио – как ловило паршиво, так и ловит. Лоб Викс нахмурен, и она напоминает мне рассерженного медведя.

– Черт побери, – ворчит она, – а говорила, работает...

Единственной станцией, которую ей удастся поймать, оказывается «Радио Классика». Машину заполняют звуки старого доброго хита прошлых лет – «These Boots Are Made For Walking». Я начинаю отбивать такт ногой, вторя музыке.

– Крепки мои ботинки, – подпеваю я, – хоть целый век носи...

– О господи! – морщится Викс.

– ...И я могу однажды весь мир в них обойти...

Викс выключает радио.

– Эй! – протестую я и включаю его снова – но радио уже сбилось с волны. Я пытаюсь снова поймать ее, но сколько ни кручу ручку – одно шипение.

– Я так не играю! – ворчит Викс. – Ты обещала, что мы поедем с музыкой! Что за кайф ехать без музыки?

Рука Мэл тянется к автомобильной зажигалке, втыкает в нее какой-то шнур, и из динамиков вдруг раздаются звуки тяжелого рока. Я узнаю песню – это «Drive» группы «Incubus». Но что это за радиостанция, и как Мэл удалось на нее выйти – для меня загадка. В Найсвилле есть всего лишь одна станция, которая передает музыку в стиле альтернативный рок, но она вещает на какой-то очень дальней волне, и приемник в маминой машине ее не ловил, даже когда был исправен.

Моя рука тянется к ручке радиоприемника, желая настроить его получше.

– Оставь, не крути, а то мы собьемся с волны! – говорит Мэл.

Но поздно – я уже повернула ручку, и песня пропала.

Разумеется, я отлично знаю, что если крутить ручку настройки радиоприемника, можно сбиться с волны – может быть, я не так продвинута в современной технике, как Мэл,

но и не настолько дремуча, чтобы не знать уж совсем элементарных вещей. Но я по-прежнему не понимаю, как Мэл удалось поймать эту станцию.

Викс отстраняет мою руку, крутит ручку сама – и «Incubus» звучит снова.

– Это автомобильный плеер, – объясняет Мэл. Она протягивает руку с плеером, показывая его мне. На вид – самый обычный МРЗ-плеер, но от него тянется какой-то шнур, который Мэл подключила к автомобильной зажигалке.

– Видите? – говорит она. – С ним мы можем слушать все, что пожелаем!

Эту задаваку так и распирает от гордости за свой крутой плеер. Викс, похоже, уже готова растаять перед этой Мэл. Лично я не собираюсь лебезить перед этой красоткой, какой бы у нее ни был плеер.

– Что ж, Мэл, – говорит Викс, – если так, то тебе и выбирать музыку.

Впрочем, против песни, выбранной Мэл, я ничего не имею, так как знаю, что Викс любит альтернативный рок – страсть к нему она переняла от своего брата Пенна. Странно только, что Мэл нравится такой стиль.

– Ты любишь такую музыку? – спрашиваю у Мэл. – Я не ожидала! Я думала, тебе больше нравится какая-нибудь попса...

– Попсу я тоже иногда слушаю, – отвечает она. – Но, по-моему, эта песня просто идеально подходит для путешествия на машине, разве не так? Впервые я, кажется, услышала ее в каком-то фильме... нет, в передаче «Кумиры Америки»...

Я смотрю на Викс, ожидая, как она отреагирует – Викс не любит передачу «Кумиры Америки». По мне, так неплохая передача. Однако если бы Викс сейчас сказала, что эта передача ужасная, я бы поддакнула ей – только ради того, чтобы уколоть Мэл.

Но Викс сейчас явно не на моей стороне.

– Я понимаю, – язвит она, – ты бы такую песню не выбрала, а скорее что-нибудь вроде этих твоих «ботинок»...

– Ты что, – отвечаю я, – всерьез решила, что я фанатка этой песни про ботинки? Да я лишь в шутку ей подпевала...

– Да знаю я твои вкусы! – усмехается Викс. – Для тебя что «Кумиры Америки», что старые добрые хиты прошлых лет – одно и то же...

– Еще раз говорю – я подпевала этой песенке всего лишь в шутку!

– Ничего не понимаю! – произносит со своего заднего сиденья Мэл. – О чем вы, девчонки?

Мы с Викс дружно смеемся.

– Да что такое? – удивляется Мэл.

– Да так, ничего, – бросаю я через плечо, – не обращай внимания...

Впереди – развилка дорог. На светофоре – красный, и я останавливаюсь, собираясь повернуть налево, когда зажжется зеленый. Но Викс, посмотрев на дорожные знаки, вдруг заявляет:

– Поверни направо.

– Направо? Зачем? – удивляюсь я. – Десятое авеню – налево...

– Десятое авеню нам не нужно.

– Ты шутишь? Чтобы попасть в Майами, нам нужно на Десятое авеню!

Вместо ответа Викс роется в своей сумочке и извлекает оттуда какую-то книгу. Так и есть – «Удивительная Флорида», ее любимая книжка...

Листая потрепанные страницы, Викс наконец находит ту, которую искала, и пробегает глазами текст.

– Так я и думала, – радостно произносит она, – отсюда до него меньше трех часов езды!

– До кого? – спрашиваю я. – До Старого Джо?

Мэл вдруг наклоняется вперед.

– Послушайте, девчонки, – начинает она, – может быть, расскажете, наконец, что это за аллигатор такой?

В голосе Мэл явно звучит страх, как ни старается она его скрыть. Викс, очевидно, тоже почувствовала это.

– Боишься его? – усмехается она, повернувшись к Мэл.

– Да нет, не боюсь, просто... – мямлит та.

– Мне казалось, – продолжает Викс, – что ты вроде бы хотела увидеть Старого Джо! Разве не так?

– Я и теперь хочу.

Викс недоверчиво вскидывает бровь.

– Правда, хочу! – повторяет Мэл.

«Ну да, как же! – думаю я. – Боишься – так и скажи!»

– Я просто хочу знать – он хотя бы в клетке или за оградой? – беспокоится Мэл. – Надежно заперт? А то ведь бывают зоопарки, где животные разгуливают практически на свободе, чтобы у посетителя создавалось впечатление, что он находится один на один с дикой природой...

– Разумеется, не заперт, – смеюсь я. – Тебе бы понравилось, если бы тебя заперли в клетке? Ты ведь, кажется, была в Африке, ездила на сафари – и все равно боишься какого-то крокодила?

В зеркало, висящее передо мной, я вижу лицо Мэл – и замечаю, как она побледнела. Знать бы ей, что старина Джо вот уже лет триста как стоит в виде чучела за витриной музея... Но Викс не спешит рассказывать Мэл об этом – судя по всему, ей, как и мне, тоже нравится дразнить эту трусиху.

На светофоре загорается зеленый, и я поворачиваю направо.

– А дальше куда? – спрашиваю у Викс.

– Следующий поворот должен быть на шоссе Уайт-Поинт. Нам туда, – отвечает она мне и поворачивается к Мэл. – Не беспокойся, Мэл, мы едем не к Старому Джо.

– А куда же? – удивляюсь я.

– Сначала заедем посмотреть на самый маленький в мире полицейский участок. А потом уже к Джо.

– Ну Викс, – смеюсь я, – сдаюсь, ты меня перехитрила! Значит, к Старому Джо потом?

– А что? – усмехается в ответ она. – Самый маленький в мире полицейский участок – это, должно быть, круто! Представь себе – миниатюрные столы, миниатюрные полицейские машины... может быть, и сами полицейские размером с гномов...

– Что, тоже боишься? – спрашиваю я.

– Боюсь? Кого? Старого Джо? С чего бы мне его бояться? Просто до этого полицейского участка отсюда ближе. Вот я и решила – сначала туда, затем к Джо... Какая, в конце концов, разница?

– Да при чем тут Старый Джо? Я знаю, что ты его не боишься! Ты боишься другого – как тебя встретит твой ненаглядный Брэди – а вдруг скажет, что вообще решил с тобой расстаться? Вот ты и оттягиваешь встречу с ним, и потому придумываешь – заедем сначала на этот самый маленький полицейский участок, потом к Старому Джо, потом еще куда-нибудь...

Честно говоря, все это я сказала просто, чтобы немного поддразнить Викс, и не более – мы ведь с ней часто беззлобно, по-дружески «подкалываем» друг друга... Но Викс, похоже, обиделась всерьез.

– Ради бога, Джесси, прекрати! – фыркает она и отворачивается в окно.

На что обиделась? Я же ведь послушалась ее, повернула туда, куда она хочет! Хочет в самый маленький на свете полицейский участок – будет ей самый маленький участок, хочет

к Старому Джо – будет ей старый Джо... В конце концов, гулять – так гулять. Как там сказала мама? «Жизнью надо наслаждаться»... Что ж, понаслаждаюсь хоть немножко жизнью – надеюсь, что все-таки не очень сильно запачкаю свои белые ангельские крылышки...

Вот только зря Викс упоминает имя Господне всеу – «Ради бога»... Терпеть не могу, когда имя Господне произносят всеу – и пусть кто угодно считает меня святошей и занудой... Ми-Мо говорит, что тот, кто часто произносит имя Господне не к месту, может попасть в ад. Ми-Мо все время молится за мою маму, потому что считает, что мама может попасть в ад, если не изменит свой образ жизни. Мама даже в церковь с нами не ходит. А Ми-Мо заезжает за мной каждое воскресенье, и мы с ней идем в церковь.

– Я не боюсь Старого Джо! – произносит Мэл со своего заднего сиденья. Я ничего не отвечаю ей, делая вид, что не слышу.

«Incubus» замолкает, сменяясь новой песней – «Oops!.. I Did It Again» Бритни Спирс. Я хочу было перемигнуться с Викс – типа, «О, клевая песня!» – но передумываю. Викс утратила мое уважение, потому что она – трусиха.

Семь вечера. В моем животе уже урчит от голода, но я молчу, потому что не хочу выглядеть капризной девчонкой, желаниям которой все должны подчиняться. Из динамиков звучит канадская песня «Wheat Kings», которую нам предложила послушать Мэл. По мне, так довольно заунывно, но Мэл, очевидно, напоминает о Канаде, откуда, как оказалось, она родом.

Мэл начинает рассказывать нам о Канаде. До сих пор среди моих знакомых не было ни одного канадца – как не было и никого столь богатого, как эта Мэл. Мэл говорит, что канадцев на жаргоне называют «канюками». Лично я бы оскорбилась, если бы кто-нибудь назвал меня так.

Мэл рассказывает, что в Канаде вместо однодолларовых купюр – однодолларовые монеты. Есть также двухдолларовые монеты – они их называют «двушками». В Канаде говорят по-английски, как и в США – но едва ли не все слова пишутся по-другому. Например, «серый цвет» по-американски и по-канадски звучит одинаково – «грэй калор», но если по-американски пишется «gray color», то по-канадски – «grey colour». Медицинское обслуживание в Канаде бесплатно для всех. Канада делится не на штаты, как США, а на провинции. В разных провинциях могут быть разные законы. Так, например, в одних провинциях алкоголь продают лицам не моложе восемнадцати лет, в других – не моложе девятнадцати.

Похоже, Мэл думает, что чем больше она расскажет нам с Викс про Канаду, тем больше мы ее станем любить. В смысле, Мэл, а не Канаду. Хотя, может быть, Мэл завела этот разговор просто потому, что скучает по своей Канаде. Впрочем, как по мне, так пусть болтает, если ей хочется. Узнать много нового о незнакомой доселе стране, где все не так, как у нас, даже слова пишутся по-другому, – это всегда любопытно... Интересно, в этом Дисней-парке, где представлены все страны, есть уголок Канады?

Мэл переходит на тему традиционных канадских блюд, и Викс, обожающая готовить, сразу же живо подключается к разговору. Я вдруг представляю себе Викс в высоком и пышном поварском колпаке, жарящую яичницу на огромной сковородке в окружении членов жюри, которые ведут отсчет секунд. Как там называется эта передача, где кулинары соревнуются, кто быстрее приготовит блюдо? Она идет по кулинарному каналу кабельного телевидения. Кабельное телевидение, конечно, стоит не таких уж и малых денег – но что поделывать, если мама его любит... А я, пользуясь тем, что у нас есть это кабельное телевидение, люблю смотреть ток-шоу на канале «Хвалите Господа». Я могу смотреть эти шоу часами...

Мама не смотрит религиозные передачи, даже мою любимую «Слово Божье», которую ведет бойкая на язык Фэйт Уотерс. Мама больше любит канал «Планета Животных», особенно ту передачу, где тренер собак, щелкая кнутом, отучает их кусаться и писать на

пол в квартире. И, хотя мама не одобряет его методы, вынуждена признать, что они действительно. Мама зарабатывает на жизнь в основном тем, что делает стрижки собакам, но мечтает однажды стать не парикмахером собак, а собачьим тренером. Что ж, чем бог не шутит – как знать, однажды этот день и настанет...

Я снова прислушиваюсь к разговору Мэл и Вика.

– *Пуцина?* – переспрашивает Вика.

– Пуцина, – отвечает та.

– Ну и название! А что это хотя бы такое?

– Картофель-фри с кусочками сыра и горячей подливкой.

– Ужасно! – восклицает Вика.

– Представь себе, это безумно вкусно! Разумеется, от этого жутко толстеют, но зато когда ешь – невозможно оторваться. Даже моя сестра не может перед этим устоять, хотя она просто помешана на похудении, все время на какой-нибудь диете...

– Нет, я не про блюдо, – перебивает ее Вика, – блюдо, может быть, и вкусное... Просто название уж больно похоже на что-то неприличное – «пуцина»... Почти что «путана». Представляю себе, как мой брат Тулли спрашивает у Пенны, – Вика понижает голос, имитируя разговор мужчин: – «Где ты пропадал?» – «Да так, встречался с одной *пуциной*...».

Я смеюсь, как смеюсь всякий раз, когда Вика копирует своего брата. Хотя мне, конечно, вряд ли было бы приятно, если бы Пенна действительно встречался с пуциной... то есть, с путаной.

– Послушай, – спрашиваю я у Вика, сама не зная зачем, – Пенна все еще встречается с этой Лизой?

– Нет, с Лизой он расстался. Если не ошибаюсь, на данный момент у него нет девушки. А почему ты спрашиваешь?

Я смущенно молчу – и, должно быть, краснею, потому что Вика, смеясь, восклицает:

– О, что я вижу?! Кто-то покраснел, кто-то покраснел!

– Прекрати, Вика! – умоляю я, думая о том, что надо бы и мне прекратить думать о Пенне. Все равно мы с ним никогда не станем настоящей парой. Пенна явно не из тех парней, кто готов – во всяком случае, в обозримом будущем – связать себя узами брака. А встречаться с кем-то, с кем ты заведомо не вступишь в брак, согласно Библии – грех. Я в это твердо верю, хотя именно по этой причине мой опыт общения с парнями на данный момент почти равен нулю. Разве что в прошлом году, когда я ходила в воскресную библейскую школу, то целовалась там с Мэттью Пирсоном. Но этот Мэттью так не похож на Пенну Симоноффа...

От этих мыслей я смущаюсь еще больше – и, должно быть, краснею сильнее. Надеюсь, Вика этого не заметила... К счастью, Вика сейчас, кажется, вообще не замечает ничего вокруг, снова погружившись в разговор с Мэл на свою любимую тему – еда, еда и еще раз еда.

– Ты, кажется, сказала «мягкий сыр»? – спрашивает она у Мэл. – Что это такое? Что-то вроде творога?

– Скорее вроде брынзы, – отвечает та. – Черт побери, от всех этих разговоров о еде у меня разыгрался аппетит! Не пора ли нам, девчонки, перекусить? Здесь есть по дороге хоть какая-нибудь кафешка?

– Вот, держи, если хочешь... – Вика достает из сумочки шоколадный кекс.

– А еды поздоровее у тебя нет?

– Вот как, – смеется та, – поздоровее, значит? Что ж, не проблема! – Вика протягивает ей манго.

– О, – восклицает Мэл, – вот это – другое дело!

На минуту воцаряется молчание.

– Почему не ешь? – спрашивает Вика, не оборачиваясь. – Передумала?

– Почему ты решила, что я не ем?

– Я не слышу чавкающих звуков.

– Манго обычно очень сочные, ешь – и сок с него так и течет... Всю машину вам перепачкаю!

– Если разрезать манго определенным образом, то сок с него не течет, – вставляю я. – Викс это умеет. И вообще, хочешь знать о манго все – спроси у Викс. Манго – ее любимый фрукт.

– Совершенно верно! – подтверждает та.

– Однажды Викс чуть не убила меня за то, что я неправильно порезала манго, – продолжаю я.

Викс в шутку толкает меня в бок.

– Водителя не толкать! – протестую я.

– Сказать по правде, – заявляет Викс, – я научилась резать манго у Рэйчел Рэй. Есть такая дама, ведет по телевизору передачу «Кулинарные путешествия», – поясняет она на случай, если Мэл не знает, кто такая Рэйчел Рэй.

– Обожаю Рэйчел Рэй! – поддерживаю я.

– Так вот, как объясняла она в одной своей передаче, манго надо нарезать маленькими тонкими ломтиками, а уж потом снимать с них кожуру. Так делают на Кубе.

– Вот уж не знала, – задумчиво произносит Мэл, – что порезать манго – это, оказывается, целое искусство...

– То-то же! – самодовольно смеется Викс. – Учись, крошка, пока я жива!

– Викс у нас большой гурман, – подтверждаю я.

– Кстати, отсюда всего один час езды до Каррабелл. Может быть, поужинаем там? – предлагает Викс.

– Вы шутите, девчонки? – морщится Мэл. – Целый час? Да я помру от голода!

– Без проблем, – говорю я. – Перекусим в первой же забегаловке, которая попадется.

Выражение «без проблем» я употребила нарочно. Викс часто упрекает меня в том, что я вечно из всего делаю проблему, и мне хочется показать ей, что она не права.

Вскоре мне попадается на глаза дорожный знак с перекрещенными ножом и вилкой, и я поворачиваю туда, куда указывает стрелка. Но, как оказывается, ресторана там нет, а есть бензоколонка. Рядом с ней стоит автофургон, увенчанный деревянной вывеской с надписью, гласящей: «НАСТОЯЩИЕ ГАМБУРГЕРЫ С НАСТОЯЩЕЙ 100 %-НОЙ ГОВЯДИНОЙ!».

Решив, что нам не мешало бы не только «заправиться» самим, а еще и заправить машину, я подъезжаю к бензоколонке. Мы с Викс вылезаем из машины, радуясь возможности немного поразмять, наконец, кости после столь долгого сидения. Мэл же, судя по ее виду, вылезает из машины явно неохотно.

– Признаться, девчонки, – заявляет она, – это не совсем то, о чем я думала...

– Вот как? Ну и кто из нас после этого гурман? – смеется Викс.

Мэл молчит, теребя прядь волос.

Продавец хот-догов сидит на алюминиевом стуле под зонтиком, защищающем от жары. На его футболке нарисована танцующая собачка. На запыстье у парня татуировка, изображающая сосиску.

– Классное тату! – восклицает Викс.

– Ага! – улыбается продавец, поднимаясь со стула. – А что? Я люблю хот-доги и не скрываю этого!

– Да уж не сомневаюсь! – улыбаюсь я в ответ.

Татуировка этого парня мне нравится, хотя МиМо, например, вообще против татуировок как таковых – мол, наше тело – храм божий, разрисовывать его – грех, и все такое... Но я, признаться, ничего против татуировок не имею. Такие мужики, как этот продавец, кажутся

мне простыми и надежными – если, конечно, они не заставляют мою маму участвовать в конкурсе мокрых футболок.

Продавец хот-догов чешет живот, отчего собачка на его футболке словно действительно танцует.

Я заполняю бак машины и смотрю на счетчик.

– Целых четырнадцать долларов? – восклицаю я. – Куда катится мир?!

Мэл молчит.

– Ну, я пойду заплачу... – говорю я, многозначительно глядя на Мэл. Но та по-прежнему молчит.

Вздохнув, я иду к кассе и оставляю там больше половины всех имевшихся у меня в наличии денег, так как кроме того, что расплачиваюсь за бензин, я покупаю еще и карту Флориды за доллар пятьдесят. Поскольку наш путь лежит не через главное шоссе, а по всяким «закоулкам», я решила, что карта нам пригодится.

Вернувшись, я обнаруживаю, что Викс и Мэл стоят на прежнем месте. Викс крутит в руках свой мобильник – должно быть, смотрит, не прислал ли эсмэску ее ненаглядный Брэди.

– Вы уже заказали себе что-нибудь? – спрашиваю я у девчонок, и, не дождавшись ответа, обращаюсь к продавцу хот-догов: – Мне, пожалуйста, один хот-дого и одну кока-колу.

– Мне то же самое! – присоединяется Викс.

Викс сердито захлопывает свой мобильник-«раскладушку» и сует его в карман. «Что и требовалось доказать, – думаю я, – распрекрасный Брэди явно не спешит осчастливить ее любовным посланием...»

– Вы давно работаете в пищевой индустрии? – спрашивает Викс у продавца.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. «В пищевой индустрии» – надо же так выражаться! Продавец же, явно радуясь, что ему попалась разговорчивая клиентка, начинает рассказывать едва ли не всю историю своей жизни с самого рождения.

Я слегка толкаю Мэл в бок:

– Ты будешь что-нибудь заказывать?

Та по-прежнему молчит, глядя, как мистер Хот-Дог поджаривает две ярко-розовые сосиски.

– Я работаю поваром в «Вафельном Доме», – сообщает Викс продавцу. – Так что, поверьте, в кулинарии кое-что смыслю.

– А мне, – решается наконец Мэл, – булочку и диетический «Спрайт».

– Просто булочку, без сосиски? – удивляюсь я. – И ты наешься?

– Представь себе! – произносит Мэл таким тоном, словно она победила в споре, и при этом еще с вызовом глядя на меня.

Нет, эта девчонка все-таки может за себя постоять! Я даже начинаю испытывать к Мэл некоторое уважение.

Я расплачиваюсь за свой хот-дого и колу – Мэл, вопреки своему обещанию, по-прежнему не спешит платить за меня и за Викс – и сажусь за столик. Мэл пристраивается рядом со своими булочкой и «Спрайтом». Викс же продолжает болтать с продавцом – теперь уже на тему соусов. Интересно, о чем тут можно долго разговаривать, если речь идет о приправе к хот-догом? Кетчуп и горчица – они, как говорится, и в Африке кетчуп и горчица...

Мистер Хот-Дог начинает рассказывать о том, как он однажды даже попал на телевидение – снимался в популярном ток-шоу «Сегодня». Я недоверчиво фыркаю – хотя, как знать, может быть, и действительно снимался...

– Во заливает! – пожимает плечами Мэл, пользуясь тем, что мы сидим достаточно далеко от продавца и он не может нас слышать. – На телевидении он снимался, ага... Где он – и где шоу «Сегодня»... Да туда еще не каждая звезда попадет!

Несмотря на то, что я и сама не очень-то верю, что этот парень мог попасть на телевидение, вдруг решаю поспорить с Мэл.

– Откуда ты знаешь, – возражаю я, – может быть, и снимался! Если он простой работяга, то это еще ничего не значит...

– Я не говорила, что простой работяга не может туда попасть.

– Не говорила, но имела в виду, – заявляю я, несмотря на то, что и сама сомневаюсь, что простой смертный может вдруг попасть в столь престижное телешоу.

– Просто мне это кажется маловероятным. – Отщипнув пальчиками малюсенький кусочек от своей булочки, Мэл отправляет его в рот. Я же, словно в пику ей, откусываю от своего хот-дога преогромнейший кусок.

– Если бы этот парень был владельцем роскошного ресторана, ты бы ему наверняка поверила! – говорю я с набитым ртом. – К вашему сведению, Мисс Денежный Мешок, деньги отнюдь не делают человека лучше. Скорее, наоборот, они делают его хуже...

Мне вдруг приходит на ум доктор Абердин – тот самый онколог, который заставил тогда мою маму торчать в коридоре целых два часа, пока наконец не соизволил сообщить ей результаты анализов. Мамашу этой Мэл он уж точно не заставил бы ждать...

– Я, кажется, ничего не говорила о деньгах! – возмущается Мэл.

– Я просто хочу сказать, – отвечаю я, – что неправильно судить о человеке по тому, сколько у него денег.

– А кто только что сказал, что деньги портят человека?

Я замолкаю. Что ж, ничего не скажешь – Мэл удалось-таки меня уесть.

– Посмотрите, девчонки! – произносит Викс.

Мистер Хот-Дог держит в руках какую-то фотографию. Мы подходим и смотрим. На фотографии – наш продавец, запечатленный рядом с Элом Рокером, чернокожим ведущим шоу «Сегодня», знаменитым тем, что когда-то он был очень толстым, но затем ему удалось похудеть до нормального состояния. Наш продавец гордо смотрит в объектив, держа на высоко поднятых руках – что бы вы думали? Конечно же, хот-дог!

– Ни фиги себе! – восклицаю я, глядя на мистера Хот-Дога – живого, а не того, который на фотографии. Я до сих пор не могу поверить, что этот парень действительно стоял всего в двух шагах от знаменитой телезвезды.

– Это был самый счастливый день в моей жизни! – гордо заявляет продавец.

– Ну что ж, – произносит Викс, когда мы заканчиваем трапезу, – нам пора идти. – Она протягивает руку, и мистер Хот-Дог пожимает ее.

– Рада была познакомиться! – говорит она.

– Не забудь, что я сказал тебе о приправах, – отвечает он. – Существует целый спектр приправ...

– «Спектр приправ»? – улыбается Викс. – Постараюсь запомнить!

Мы снова садимся в машину, которая от жары успела раскалиться почти добела.

– Черт побери, – ворчит Викс, – тебе что, не хватило мозгов поставить машину в тень?

– Кому из нас не хватает мозгов – это еще большой вопрос! – отвечаю я, хотя отлично понимаю, что она права. Даже водительское кресло так нагрелось, что я почти не могу на нем сидеть, и мысленно проклиная себя за то, что действительно не додумалась поставить машину в тень.

– Ой, не могу! – смеется вдруг Мэл. – Ну и вывеска! «Нестоячие гамбургеры с нестоячей говядиной»!

– С какой еще «нестоячей»? – удивляюсь я. – Там написано «с настоящей»!

– Я и говорю «с настоящей»!

– Ну, видимо, я просто не поняла тебя из-за канадского акцента.

– «С на-сто-я-щей», – произносит Мэл медленно, по слогам. – Так правильно?

Мы с Викс заливаемся смехом, и у меня становится легче на душе. Нет, пожалуй, не зря мы взяли с собой эту Мэл... С ней все-таки веселее.

Я завожу мотор.

Глава 5. Мэл

Нет, я этого не выдержу! С тех пор, как мы, перекусив, снова отправились в путь, прошло от силы полчаса – а в машине уже не продохнуть! Этот проклятый хот-дог – не иначе, как он, ибо что же еще? – вызвал у Вика... как бы это поприличнее сказать?.. приступ метеоризма.

Самой Вика и Джесси, похоже, это кажется очень веселым. Черт побери, они еще находят в себе силы шутить!

– А ты в курсе, Вика, – говорит Джесси, – что законами Флориды запрещено пускать газы по вторникам, четвергам и пятницам после пяти вечера?

– Ну, а по субботам можно? – смеется в ответ та.

Ужасно смешно. Еще немного, и я задохнусь.

– Я не шучу, – отвечает Джесси. – Есть такой закон! Я узнала об этом, когда мы с мамой однажды играли в игру «Угадай слово».

Новый взрыв смеха – и новый «залп».

– Ой, – Джесси машет рукой, словно веером, – ты сделала это снова! – В словах ее явно звучит отсылка к известной песне Бритни Спирс, которую мы слушали несколько часов назад.

– Бесшумно, зато смертельно! – нимало не смущаясь, заявляет Вика.

Если бы я вдруг сделала это при всем честном народе, я бы, пожалуй, от стыда убежала обратно в Канаду. Я пробую дышать через рот, но это вызывает у меня лишь кашель.

– Бедняга Мэл, – произносит Вика, – представляю, каково ей сидеть позади меня!

– Ничего страшного, – отвечаю я, хотя сама уже жалею, что у меня нет с собой противогаса.

– Да ты, Вика, оказывается, музыкальная девушка! – смеется Джесси. – Я и не знала за тобой такого таланта! Тебя бы сейчас на телевидение, в шоу самого Эла Рокера!

– А что? – улыбается та. – Можно подумать, Эл Рокер сам ни разу в жизни не пердел!

«Господи, – думаю я, – куда я попала!» Мои родители умерли бы со стыда, услышь они сейчас этот разговор.

– А ты, Мэл, – ухмыляется Вика, – что не присоединяешься к моей «музыке»? Не одной же мне за всех отдуваться!

– У Мэл не получится, – отвечает Джесси, – она ведь ела хот-дог без сосиски.

Джесси, должно быть, зла, что я не заплатила за еду для всех. Да, я не додумалась – надо было, конечно, заплатить. Собственно говоря, я не стала платить потому, что мне хотелось думать, будто девчонки взяли меня с собой не только лишь ради того, чтобы я платила за всех...

– Что? – удивляется Вика. – Хот-дог без сосиски? Ты правда съела хот-дог без сосиски, Мэл?

– Я тому свидетель, – подтверждает Джесси. – А ты, Вика, все пропустила, потому что в этот момент обсуждала с этим продавцом свой «спектр приправ»...

– Ну ты даешь, Мэл! – восклицает Вика. – А кто громче всех кричал, что он голоден? Ну и как, наелась своим хот-догом без сосиски?

– Я не люблю хот-доги, – отвечаю я.

– Вот как? Почему?

– Одному богу известно, что кладут в эти сосиски в качестве «настоящей говядины» – свиные уши, хвосты, чуть ли не рога и копыта...

– Откуда ты это знаешь? – спрашивает Вика.

– От моей сестры.

– Она что, врач?

– Нет, но она просто помешана на здоровой еде, все время сидит на диетах...

Я замолкаю. Разумеется, Никки – еще тот «эксперт»... Но на здоровой еде она действительно помешана – едва ли не каждый раз, прежде чем съесть что-нибудь, отмеряет с точностью до миллиграмма, чтобы, не дай бог, не съесть лишнего и не потолстеть. И меня заставляет делать то же самое.

Я еще сильнее вжимаюсь в кресло. Черт побери, есть ли у меня шанс хоть когда-нибудь понравиться этим девчонкам? И денег у меня, видите ли, слишком много, и ем я не то, и даже акцент у меня не тот...

– Скучная, должно быть, жизнь, – качает головой Джесси, – когда не можешь себе позволить даже сосиску съесть... Мой тебе совет, Мэл – если тебе когда-нибудь на твоём жизненном пути встретится сосиска – не раздумывай, отправляй ее сразу в рот!

– Кто бы говорил! – смеется Викс. – Можно подумать, Джесси, ты хоть раз брала в рот сосиску!

– Очень смешно! – ворчит та.

– А ты, Мэл? – поворачивается ко мне Викс. – Ты когда-нибудь брала в рот сосиску?

Я молчу, так как до меня вдруг доходит, что они имеют в виду под «взять в рот сосиску». Ну и разговоры у этих девиц! Сначала про пускание газов, теперь вот про это... С кем я связалась!

– Признавайся, Мэл! – продолжает дразнить меня Викс. – Знаю, знаю, брала! Это лишь на вид ты такая вся из себя невинная, а сама, поди...

Еще один «залп».

– Да чтоб тебя! – смеется Джесси. – Последний раз приказываю – прекрати!

Окна опущены, но это не помогает – в машине по-прежнему не продохнуть.

– Эл Рокер – мой кумир! – восклицает Викс, разражаясь новой порцией газов.

– Не в мою сторону! – протестует Джесси.

Джесси прибавляет скорость – очевидно, ей самой уже неважно вдыхать этот «божественный аромат». Наконец мы останавливаемся рядом с телефонной будкой, и я радуюсь возможности выйти на свежий воздух.

Мы высыпаем из машины – и застываем в недоумении.

– Это и есть самый маленький в мире полицейский участок? – удивляется Джесси.

Перед нами – самая обычная телефонная будка, на стекле которой написано «ПОЛИЦИЯ».

– А где же полицейские? – спрашиваю я.

– Я думаю, – смеется Джесси, – здесь работает всего один полицейский. Больше в эту будку просто не поместится.

– И где же он?

– Должно быть, – предполагает Викс, – у него сегодня выходной. Или, может быть, он умер – вот и не вышел на работу.

– Похоже, что не только он, а весь город вымер! – замечает Джесси.

И в самом деле, вокруг – никаких признаков жизни, если не считать оглушительно стрекочущих цикад. Через улицу напротив нас – какой-то магазинчик, но я не уверена, работает ли он вообще, так как его вывеска полуоторвана и висит на одном гвозде.

Мы стоим, как дуры, уставившись на телефонную будку. Вот так обман!

Викс выпускает очередную порцию газов. Джесси отходит от нее. Слава богу, никто нас не видит, а то бы я сгорела со стыда.

– Ну что, насмотрелись? – произносит наконец Джесси.

– Насмотрелись, – вздыхает в ответ мисс Несварение Желудка. – А теперь – к Старому Джо! Он всего лишь в получасе езды отсюда, в городке под названием Вакула Спрингс. Я надеюсь, Старый Джо все-таки более интересное зрелище, чем эта будка...

Джесси снова садится в машину. Викс открывает заднюю дверь для меня.

Черт побери, я уже и успела забыть об этом аллигаторе! Но сейчас, стоило мне вспомнить о нем, как у меня снова начали трястись поджилки.

– Садись, садись! – произносит Викс, заметив мою нерешительность.

Я сажусь. Викс залезает на свое сиденье и начинает изучать карту. Джесси заводит мотор.

– Так все-таки, – снова начинаю я, – этот Старый Джо...

– Кстати, об аллигаторах, – прерывает меня Джесси. – Говорят, на прошлой неделе в Пенсакеле аллигатор проглотил одну даму, которая как ни в чем не бывало совершала прогулку по берегу. Похоже, аллигаторы в последнее время осмелели...

– Если не ошибаюсь, это уже третий случай за прошлый месяц, когда аллигатор съедает человека, – подхватывает Викс.

– Четвертый, – поправляет Джесси. – Я точно помню, первые трое были парнями, а это – дама. Ее муж был рядом и наблюдал все это собственными глазами, но ничем помочь ей не мог... Буквально одна секунда – и нет человека!

Мы снова выезжаем на широкое шоссе.

– Был еще, кажется, недавно один случай в Орландо, – продолжает Викс. – Там крокодил сожрал трехлетнего ребенка на глазах у матери...

– Ужасно! – качает головой Джесси. – Представь себе – даже трупа не осталось, чтобы его похоронить...

– Ради бога, девчонки, прекратите! – умоляю я.

В ответ обе лишь смеются. Викс включает музыку.

Ну что ж, думаю я, была не была... К Старому Джо так к Старому Джо!

Когда мы приезжаем в Вакула Спрингс, оказывается, что цель нашей поездки – некий старый музей. А я-то думала, что Старый Джо живет в каком-то природном парке, почти ничем не отгороженный от посетителей...

На двери музея, однако, висит табличка «ЗАКРЫТО». Через дорогу – два магазина, овощной и просто продуктовый, оба тоже закрыты. В Найсвилле магазины тоже закрываются довольно рано, но все-таки не в девять вечера... Город кажется еще более вымершим, чем Каррабелл – хотя, казалось бы, это невозможно. Единственный свет на этой пустынной улице – наши фары.

– Ну что ж, – говорю я, – видно, не судьба. Поехали – до Майами еще далеко. После часа ночи нам нельзя появляться на шоссе – ведь нам еще нет восемнадцати. Кажется, во Флориде есть такой закон?

– Черт побери, – перебивает меня Викс, – я хочу видеть Старого Джо!

– К сожалению, Викс, – менторским тоном произносит Джесси, – мы не всегда можем позволить себе все, что хотим.

Не слушая ее, Викс вылезает из машины и направляется к музею. Дергает за ручку двери – но та, разумеется, закрыта.

Викс заходит за угол здания музея и через несколько минут появляется оттуда снова.

– Девчонки, идите сюда! – с заговорщицким видом шепчет она.

– О господи, – ворчит Джесси, – что еще там?

Джесси выключает фары, отчего все вокруг сразу же погружается во тьму, и вылезает из машины. Я неохотно вылезаю вслед за ней. Мы следуем за Викс и обнаруживаем еще один, задний вход в музей. Дверь, разумеется, тоже закрыта, но прямо над дверью –

окно. Присмотревшись, я замечаю, что оно приоткрыто – очевидно, кто-то просто забыл его закрыть.

Осмотрев дверь, я не обнаруживаю на ней никакого замка – ни навесного, ни врезного. Как же она закрыта? Должно быть, изнутри на щеколду...

– Мне кажется, – говорит Викс, – если просунуть руку в окно, то можно нащупать щеколду двери и открыть ее. Ну, кто возьмется?

«Уж точно не я, – думаю я. – Окно высоко... Девчонки, конечно, могут меня подсадить, но...»

– Ты уверена, что это хорошая идея? – осторожно спрашиваю я у Викс.

– Уверена, – отвечает та.

Я озираюсь вокруг. Кроме нас троих, ни души. Но вдруг нас все-таки кто-нибудь увидит? А если полиция? Арестуют как пить дать! Поверят ли они, что мы не воры, что мы полезли в музей только для того, чтобы поглазеть на какого-то аллигатора?

Но если я не сделаю этого, Джесси и Викс окончательно уверятся в том, что я трусиха. И если вдруг когда-нибудь еще раз захотят приключений, уж точно не возьмут меня с собой...

– Ну, – спрашивает Джесси, – кто из нас самый смелый? Я хочу посмотреть на Старого Джо!

– Старый Джо зовет нас! – патетически произносит Викс. – Я слышу сердцем его зов! – Она прикладывает руки к сердцу.

– Может быть, ты и возьмешься залезть и открыть окно, Викс? – спрашивает Джесси.

Та показывает взглядом на окно и переводит взгляд на Джесси – не видишь, мол, как высоко?

Я не хочу быть трусихой, хотя и трясусь от страха.

– Спокойно, девчонки, я открою! – говорю я.

Ногами, обутыми в сандалии, становлюсь на раскрытые ладони Викс, и она поднимает меня, в то время как Джесси поддерживает за талию. Несмотря на такую страховку, голова моя кружится. А если я упаду? Тогда это уж точно будет конец – я наверняка разобью себе голову...

– Осторожно, Мэл, осторожно! – шепчет Джесси.

– Ну как, – интересуется Викс, – получается?

Я просовываю руку в окно, изогнув ее немыслимым образом. Пытаюсь нащупать эту проклятую щеколду, но мне это не удается. Рука моя натывается на что-то липкое. О господи, что это? Паутина?

– Ну как? – снова спрашивает Викс.

Мне хочется крикнуть: «Опустите меня, я в такие игры не играю!». Но выказать себя трусихой я не могу, не имею права.

– Ну, давай же, Мэл! – подбадривает меня Джесси. – Я знаю – ты можешь!

Я вытягиваю руку как только могу. Вот она! Вот эта чертова задвижка!

– Я нашла ее! – кричу я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.